Исторические Силуэты

ЛЮДИ ЭПОХИ ЗАВОЕВАНИЙ

ВИЛЬГЕЛЬМ ОРАНСКИЙ

ФЕРНАНДО АЛЬБА

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Нидерланды XVI века, славная эпоха борьбы голландского народа за свою независимость… Обширная страна, известная в Европе своими льняными и шерстяными мануфактурами, являлась лакомым кусочком для феодальной католической Испании. Мрачный деспот Филипп II прислал для усмирения герцога Альбу, оставившего в истории Нидерландов кровавый след. Противостоял ему во главе народного восстания принц Вильгельм Оранский, по прозвищу Молчаливый. Две сильные личности столкнулись в жестокой борьбе. Но если сравнить их жизнеописания, то становится ясно, что оба они — жертвы собственной чести и сильных мира сего. И кто знает, как сложились бы их отношения при других обстоятельствах…

- Роберт ван Роосбрек
  - ВИЛЬГЕЛЬМ ОРАНСКИЙ И НИДЕРЛАНДЫ
  - ВОЖДЬ ОППОЗИЦИИ
  - ОТЪЕЗД И ВОЗВРАЩЕНИЕ
  - ГЕНЕРАЛИТЕТ ОРАНСКОГО И ЕГО СЛАБОСТЬ
  - ФРАНЦУЗСКИЙ КУРС И СМЕРТЬ ОРАНСКОГО
  - ЖЕНЫ ОРАНСКОГО
  - ЦЕЛЬ И СМЫСЛ ПОЛИТИКИ ОРАНСКОГО
  - Хронология
- notes
  - 1
  - 2
  - 3
  - 4
  - 5
  - 6
  - 7

Роберт ван Роосбрек
ВИЛЬГЕЛЬМ ОРАНСКИЙ
МЯТЕЖНЫЙ ПРИНЦ

ВИЛЬГЕЛЬМ ОРАНСКИЙ И НИДЕРЛАНДЫ

Никогда еще в истории габсбургских Нидерландов, а возможно, и всей Западной Европы, не было личности, более противоречивой чем Вильгельм Нассау, принц Оранский, которого его противник кардинал Гранвелла назвал в насмешку Вильгельмом Молчаливым. Еще при жизни суждение о нем зависело от принадлежности современников к католической или протестантской вере. Католическое дворянство было, безусловно, согласно с королевским указом об объявлении Оранского в 1580 г. вне закона. Повстанцы, население Нидерландов, наоборот, назвали принца «отцом отечества».

Историкам более позднего периода тоже не удалось сделать объективных выводов о личности Оранского. Принц стал воплощением всего дурного, исчадием ада, в то время как для биографов либеральных взглядов и приверженцев протестантизма он являлся героем и каждый его поступок нес печать христианской справедливости, мужества и политической мудрости.

Благодаря борьбе Оранского в конце концов была образована республика, а потом монархия династии Оранских-Нассау, поэтому о принце возник миф, который в жанре панегирика изобразил исторические факты, оставив без внимания ошибки и заблуждения героя. Только в XX веке удалось оценить по достоинству личность Оранского.

Гораздо легче оценить Оранского как политика, чем как человека. Образ государственного деятеля вырисовывается в его официальной переписке, многочисленных речах, памфлетах того времени и мемуарах.

Чрезвычайно редкими являются непосредственные высказывания Молчаливого, которые помогли бы нам судить о нем как о человеке. Например, в описании одного сражения мы находим несколько слов, свидетельствующих о тоске молодого Вильгельма по любимой жене; по отдельным запискам жене Анне Саксонской мы можем узнать об одиночестве человека, которому в постоянной борьбе и заботах не хватает помощи и утешения супруги. А вот мы встречаем веселого Оранского, пишущего поздравление своему брату Иоганну по случаю его бракосочетания, но сразу же после приветственных слов он опять углубляется в политику.

В письме Вильгельма матери перед нами сын, преклоняющий колени у могилы отца. Несколько трогательных жалоб принца старой матери на безысходность борьбы, скорбь по павшему в

битве брату перемежаются политическими комментариями и подробными тактическими и стратегическими планами. Едва проклевывается человек, как его снова и снова закрывает политик — Вильгельм Молчаливый. Аристократ, который в течение двадцати лет был вождем и вдохновителем восстания в Нидерландах против Испании! Восстания во имя свободы, или точнее, во имя веры.

И тем не менее нам почти не удается однозначно определить вероисповедание Оранского, который утверждает, правда, после 1573 г., что принадлежит «к единственно истинной религии», но в то же время осуждается кальвинистскими теологами как атеист; в своих письмах до 1566 г. он предстает католическим дворянином, в письмах от 1566 по 1570 гг. — скорее как лютеранин, а после 1573 г. — как умеренный кальвинист. Однако, несмотря на эти религиозные метания, он преисполнен благоговения перед Богом. Хотя, с другой стороны, чтобы доказать свою беспристрастность, он подолгу не являлся к мессе, и некоему духовному лицу даже поручено было проследить за его религиозной жизнью.

История принца — это история нидерландского восстания. В каждом периоде мятежа он являлся его руководителем, и так до самого конца: ко времени его смерти в июле 1584 г. восстание на юге почти закончилось. Вся его жизнь была борьбой. Приход двадцатилетнего Вильгельма в политику (на сторону оппозиции) совпал с началом революции.

Ареной политической деятельности стали габсбургско-бургундские Нидерланды. Карлу V удалось осуществить намерение Карла Смелого: он разделил Нидерланды на шестнадцать провинций, объединил их в Бургундский округ империи (1548 г.) и навсегда закрепил объединение государственно-правовым актом — Прагматической санкцией (1549 г.). Еще в 1531 г. он ввел централизованную администрацию, создав Государственный совет и сделав свою сестру Марию Венгерскую главной правительницей. Правда, от бургундского периода остались штаты различных земель, а его наследием были Генеральные штаты, созданные в виде исключения в XV веке для ассигнования дополнительных денежных средств монархам, имеющим эту прерогативу.

Поскольку Карл V из-за многочисленных войн постоянно испытывал финансовые затруднения, Генеральные штаты стали собираться чаще. Благодаря этому постепенно появилось понимание общих интересов, и в конце концов родилась идея «общей родины», которая укрепилась сознанием политической государственно-правовой связи. Оранский был убежденным поборником и защитником бургундско-габсбургской идеи

единства, чье воплощение он до самого конца видел в «генералитете» — территориальной целостности. «Национальное чувство» проявилось в солидарности «против», а не «за» и было еще недостаточно сильным, чтобы окончательно преодолеть территориальную ограниченность.

События того времени способствовали идее единства. Но этому мешало разноязычие — во всех северных провинциях говорили на фламандском диалекте голландского языка, а в южных (Геннегау, Намен, Люксембург, а также в Артуа) — на валлонском диалекте французского языка. В центральной администрации и среди бургундского дворянства говорили по-французски.

Несмотря на многочисленные войны, время правления Карла V было счастливым, император пользовался большим авторитетом. Он считался «здешним», частью народа и постоянно это подчеркивал. Отрекаясь от трона в 1555 г.,[1] он с волнением заявил, что ему трудно расставаться с фламандской родиной.

К сожалению, суровые декреты против еретических течений анабаптизма, лютеранства и кальвинизма омрачили картину внутреннего благоденствия страны.

Совсем иначе народ отнесся к его сыну, инфанту Филиппу, который первый раз посетил Нидерланды в 1548 г. Он воспитывался в Испании, не знал ни народного голландского, ни французского языка. В отличие от Карла V, который в первую очередь являлся императором и монархом, а не преданным слугой церкви, Филипп был воспитан в духе строгого благочестия, и ему не понравились приветливость, откровенность и фамильярность народа по отношению к отцу. Филипп был и остался испанцем, и даже намеренно подчеркивал, что он чужой. Сын короля не приобрел популярности отца, а возможно, и не желал ее. В его окружении находились только испанцы, итальянцы и дворяне из свободных графств. Члены его совета тоже были чужестранцами, и хотя он вежливо обращался с нидерландским дворянством, дистанция все же сохранялась. Ему не хватало широты натуры отца, чтобы не обращать внимания на противоречия и натянутые отношения.

Когда Карл V в 1555 г. отрекся от престола, а Мария Венгерская не пожелала остаться правительницей, его наследник Филипп назначил вместо нее герцога Эмануэля Филиппа Савойского, итальянского принца, который с 1553 г. был командующим бургундского войска. Местное дворянство выразило недовольство тем, что король назначил наместником иностранного герцога, а не представителя нидерландской аристократии, например из династии Нассау, Круа, Лаленов и

других.

Непосредственно после отречения императора от престола политическая ситуация в Нидерландах была не очень благоприятной. Война короля с Францией охватила территорию Италии и Нидерландов. Финансовое положение было крайне тяжелым, и король при возобновлении военных действий вынужден был обратиться к Генеральным штатам с просьбой о финансовой помощи. Генеральные штаты собрались в Валансьенне в самый разгар войны, когда и дала о себе знать их оппозиция, к которой примкнуло знатное дворянство. Субсидию, правда, пообещали, но при этом высказали резкую критику в адрес правительства. Король прекрасно знал, что ини- циатором образования этой оппозиции была высшая аристократия. Когда Филипп II после окончания войны с Францией в 1559 г. покидал Нидерланды, он обвинил принца Вильгельма Оранского и его друзей в активизации оппозиции, в том числе в Государственном совете, где принц Оранский вместе с графом Эгмонтом, а позже с графом Горном, выступали против верного министра короля Антуана Перрено, сеньора де Гранвеллы и против епископа Утрехтского; в провинциальных и Генеральных штатах, где они как члены дворянской фракции оказывали влияние на духовенство и народ. В 1559 г. король уже резко упрекал принца за то, что он возглавлял дворянскую оппозицию, теперь же стало ясно: Вильгельм не мог пользоваться доверием короля, так как был решительно против «чужой власти».

Филипп II перед своим отъездом из Нидерландов, по совету Гранвеллы, назначил правительницей свою сводную сестру Маргариту Пармскую, а не племянницу Карла V Кристину Лотарингскую, которую предлагали Оранский и Эгмонт, что глубоко ранило гордость феодального дворянства, потому что к нему причисляли также и Оранского, хотя он был германского происхождения. Когда в 1544 г. Оранский прибыл в Нидерланды в качестве наследника своего племянника Рене де Шалона, он не мог считаться иностранцем, как это позже утверждал испанский король.

В эти годы германский дом Нассау уже был нидерландской дворянской династией. В 1403 г. Энгельберт фон Нассау, пробст[2] Мюнстерского собора, заключив брак с Иоганной фон Поланен, унаследовал обширные земельные владения в Брабанте: он был бароном Бреда, сеньором Леки, Гертруденберга, Нирварта и т. д. Вскоре он стал членом совета герцога Брабантского Антуана Бургундского; после его смерти занимал то же положение при его преемниках и посредничал между Брабантскими штатами и бургундскими герцогами, но при этом

старался не участвовать ни в каких конфликтах. Его преемник Ян IV, с 1442 г. барон Бреда, а с 1450 г. правящий граф Нассау, оставался советником бургундских герцогов, сопровождал их в многочисленных походах и через брак и обмен унаследовал новые владения в Брабанте, а также в Диете и Сихеме. Символом двойной власти (барон Бреда и граф Нассау) является то, что тело его похоронено в усыпальнице собора в Бреде, а сердце — в Дилленбургской монастырской церкви.

Его сын Энгельберт Нассау (род. в 1454 г.) — самый знаменитый представитель династии Нассау в нидерландско-бургундских провинциях, тогда как его брат Иоганн договору от 8 мая 1457 г. в Бреде получил германские земли. Только замок Дилленбург остался их совместной собственностью.

Энгельберт Нассау, советник Карла Смелого, занимался также и пост главного правителя Нидерландов. Будучи военачальником Карла, он был взят в плен у Нанси, позже верно служил Марии Бургундской и ее мужу Максимилиану, участвуя в их войнах против Франции и фламандских городов (победитель в Гингате, 1479 г.). Земли Нассау часто вносили огромный выкуп за освобождение из плена Энгельберта. Он был дростом[3] Брабанта, губернатором Люксембурга, правителем Голландии, Фландрии, Артуа, соправителем Нидерландов, а в 1501 г. даже их правителем, близким другом принца Филиппа Красивого, верным полководцем и дипломатом императора Максимилиана. Когда в 1504 г. рыцарь ордена Золотого Руна Энгельберт, на щите которого был девиз: «Это я, Нассау!», умер, историограф Молине написал о нем: «Благочестивейший и храбрейший, не ведавший страха и никогда не бежавший с поля боя…»

Брак Энгельберта с Кимбургой Баденской был бездетным, поэтому в качестве его наследника в Нидерланды еще в 1499 г. прибыл старший сын брата Генрих Нассау. Верный сподвижник Габсбургского дома, он стал советником и военачальником императора Максимилиана, хотя чаще служил ему как дипломат. В 1506 г. император назначил его воспитателем эрцгерцога Карла, позже он стал энергичным помощником Карла V на переговорах об избрании императора. С тех пор Генрих Нассау, пребывая в свите императора, являлся скорее другом и советчиком, а не только дипломатом и военачальником. Вторым браком он женился на сестре Филиберта де Шалона, принца Оранского. Сын Генриха Рене де Шалон унаследовал от Филиберта титул принца Оранского, а в 1538 г. после смерти отца занял его место в Нидерландах. Он тоже вошел в число близких друзей императора и стал правителем Голландии, Зеландии и Утрехта.

В 1544 г. двадцатишестилетний Рене де Шалон, граф Нассау, принц Оранский, барон Бреда и т. д. погиб при осаде Сен-Дизье. Его брак был бездетным, поэтому еще в военном лагере у Ришмона он назначил своим наследником одиннадцатилетнего двоюродного брата Вильгельма фон Дилленбурга, старшего сына Вильгельма Нассау. Но возникли трудности из-за религии. В Орании, а также в Нидерландах вряд ли потерпели бы наследника-лютеранина. Не будем вдаваться в подробности многочисленных переговоров по поводу наследования. Было решено, что мальчик до прибытия в Голландию должен выйти из-под влияния родителей-протестантов, особенно убежденной в своей вере матери Юлианы фон Штольберг, и сразу же переехать в Бреду или Брюссель. Его отцу предложили отказаться от опекунства и согласиться на то, чтобы юный принц воспитывался в Брюсселе в католическом духе.

22 августа 1544 г. последовал отъезд наследника из Дилленбурга в сопровождении отца, и 6 сентября для Вильгельма Оранского в возрасте 11 лет и 4 месяцев начался нидерландский период его жизни. Никто не подозревал, какой человеческой и политической трагедии положило начало это событие.

Юный принц сперва жил в замке Нассау у Бреды под опекой трех католических дворян и воспитывался там вместе с двумя отпрысками германских городов фон Изенбургом и фон Вестербургом. В 1548 г. воспитатель Жером Перрено, сеньор Шампани, брат епископа Гранвеллы, посчитал, что пришло время для переезда в Брюссель. Но только в декабре 1549 г., после того как будущий король Филипп в сопровождении герцога Альбы принял принца Вильгельма в роскошном, в отделанном в духе эпохи Возрождения замке Бреда, он смог поселиться при дворе правительницы Марии Венгерской. Позже он перебрался в официальный брюссельский дворец дома Нассау, о котором упомянул Дюрер во время своего путешествия по Нидерландам.

Принц был молодым, знатным, одаренным и богатым наследником, владения и титулы которого мы вкратце перечислим: барон Бреда, владетельный сеньор Штеенбергена, Розендала, Остер-хаута, Гримбергена, Витена, Граве и Куика, дрост Брабанта, сеньор Виандена, Дасбурга, Сент-Вейта, Леки, Нирваарта, Сихема, Диеста, Меерхута и прочее, принц Оранский, граф Нассау…

Отец хотел, чтобы сын и в дальнейшем воспитывался при дворе императора. Пребывание в Бреде и Брюсселе стало решающим моментом. Германского принца видеть там не желали, принц, нужен был бургундский, габсбургский нидерландский дворянин, воспитанный на «голландский манер»; этому

способствовали католическая религия и французский язык. То, что Вильгельм в переписке и обиходе пользовался французским (свои последние слова он произнес тоже по-французски), показывает насколько сильно повлияла на него чужая среда. Его мать, убежденная лютеранка, вынуждена была смириться с переходом сына в католичество.

Тем не менее долгие годы в отсутствие Вильгельма между Бредой и Дилленбургом не прерывались тайные связи: велась сердечная переписка, взаимно обменивались небольшими поручениями, передавали друг другу кое-что из продуктов. Принц помогал своей семье и деньгами. Кроме того, отец и сын в то время довольно часто встречались.

В 1548 г. принц, по поручению императора, появляется на рейхстаге[4] в Аугсбурге. Тогда ему было только 15 лет, но очень скоро он завоевал благосклонность императора. Может быть, это было вызвано воспоминаниями о покойных к тому времени друзьях Генрихе и Рене, а может, для короля было важно укрепить через принца отношения с дружески настроенными германскими принцами-протестантами, или же император быстро оценил выдающиеся способности Оранского, человека высокоодаренного, темпераментного, но умеющего владеть собой, деликатного, молчаливого, со светлой головой! Говорят, что правительница Мария ревностно ходатайствовала за принца перед императором, и тот оставлял юношу в своих апартаментах во время важных дипломатических и даже частных разговоров.

Нет ничего удивительного, что способный молодый человек занимал высокий политический и военный пост. Первый брак Вильгельма, которому энергично содействовала Мария Венгерская, еще больше поднял его престиж. Нравы молодых придворных оставляли желать лучшего, и, по-видимому, правительница, стараясь оградить юного принца от опасностей придворного разврата, сочла необходимой раннюю женитьбу. Брак восемнадцатилетнего Вильгельма с богатой наследницей Максимилиана фон Бюрена, заключенный в 1551 г., сделал его сеньором Эгмонда и Леердама, графом фон Бюреном, и т. д., то есть богатейшим дворянином Нидерландов, чья собственность почти равнялась королевской. Он располагал большими доходами, которые, однако, очень быстро истощились. Молодой принц жил пышно, держал многочисленных слуг, тратил огромные деньги на содержание двора. Расходы на службе у короля были очень высокими, поэтому у Вильгельма появились крупные долги — бич любого дворянина того времени.

Личность принца раскрылась не столько в военном деле, сколько в дипломатии. Набор войска, вербовка и командование

кавалерией были под силу любому знатному дворянину. Несмотря на это, о принце довольно рано (1551 г.) становится известно как о «командире и капитане» 200 кавалеристов, а в 1552 г. во время войны с Францией он получает под командование полк. Вильгельма можно было встретить и в Меце при строительстве крепости Мариенбург, а в 1555 г. он стал главнокомандующим Маасской армией (письма жене и правительнице свидетельствуют о гордости и чувстве выполненного долга); при этом назначении Карл V обошел опытного полководца графа фон Эгмонта. Когда принцу исполнилась 22 года, он отказался от назначения губернатором Люксембурга, объяснив это молодостью и отсутствием опыта.

Между тем его назначили членом Государственного совета, и в октябре 1555 г. он прибыл из военного лагеря, чтобы присутствовать на церемонии отречения и прощальных торжествах императора. Карл появился на собрании Генеральных штатов, опираясь на плечо принца, и передал власть своему сыну Филиппу. Оранский же был произведен в рыцари ордена Золотого Руна. Его военная карьера длилась с короткими перерывами до 1559 г.

До и после 1555 г. принц Вильгельм часто совершал поездки по поручению Марии или наместника для ведения важных переговоров с депутациями вражеской стороны о финансовом положении, об обновлении властей в брабантских городах, о перемирии с противником. В конце февраля 1558 г. по поручению Карла V он доставил во Франкфурт императорские регалии и акты отречения от трона. Когда Вильгельм был во Франкфурте, он получил известие о болезни жены. Принц поспешил домой через Дилленбург и прибыл как раз вовремя, чтобы успеть проститься с молодой супругой.

Еще не прошла боль от утраты так рано покинувшей его любимой супруги — «истинного друга», — а государственные дела снова поглотили его. Весь август 1558 г. принц вел переговоры о мире в Воселле, а 3 апреля 1559 г. по поручению короля подписал мирный договор в Като-Камбрези. В мае договор был ратифицирован в Брюсселе и вскоре после этого торжественно оглашен в Париже. Там принц появлялся в обществе графа Эгмонта и герцога Альбы, людей, которые сыграли потом особую роль в прологе нидерландского восстания.

Жизнь, не знающая покоя! По поручению короля, он был поверенным при заключении брака по доверенности между королем Филиппом и Елизаветой Валуа, дочерью короля Франции Генриха II, присутствовал также при помолвке правителя Нидерландов Филиберта Савойского с Маргаритой

Французской.

Эта миссия при французском дворе оказалась решающей в дальнейшей судьбе принца, и много лет спустя он подробно рассказал о ней в своей защитительной речи — знаменитой «Апологии». Король Генрих, не будучи в курсе политической обстановки в Нидерландах, посчитал возможным открыто обсуждать все секреты с принцем как с уполномоченным короля, которого он встречал на всех переговорах о мире и королевских бракосочетаниях вместе с Гранвеллой или Альбой. Во время охоты в Венсенском лесу он сообщил Вильгельму о планах короля Филиппа, переданных через Альбу. Филипп и Генрих намеревались бороться за истребление всех протестантов не только во Франции и Нидерландах, но и во всех странах, «христианского мира». Целью, по словам Генриха, было учреждение испанской Инквизиции во Франции и Нидерландах.

В «Апологии» Оранский подробно рассказал, насколько глубоко потрясло его это сообщение, что именно тогда он принял решение всеми силами противостоять планам католических королей и вместе с простым народом бороться против их намерений.

Пусть остается открытым вопрос, правильно ли Генрих истолковал принцу планы Филиппа, но то, что последний стремился к истреблению еретиков, подтверждают его многочисленные действия и высказывания. Нельзя не согласиться с мнением Рахваля, германского биографа принца Вильгельма, что после того как Оранский, пробыв вождем оппозиции и руководителем революции до 1580 г., позже вернулся к хранимой им тайне, в его воспоминаниях вполне могли перемешаться этот разговор и события, на самом деле имевшие место в другое время. Здесь очень трудно отличить вымысел от правды. Но как бы то ни было, с 1580 г. политическая деятельность принца в основном сводилось к участию в оппозиции, направленной лишь на сохранение сословных привилегий, а после 1559 г., и уже тем более после 1563-го, выступавшей за изменение религиозных отношений.

7 августа 1559 г. в Генте собрались генеральные штаты, так как Филипп хотел попрощаться со своими подданными. Он никогда больше не увидел своих богатых, процветающих нидерландских провинций. Принц был назначен правителем Голландии, Зеландии, Утрехта, Западной Фрислан-дии, Воорне и Бриля и сопровождал короля от Гента до Флиссингена, где стоял на приколе испанский флот. Мы не заблуждаемся: Вильгельм Оранский Молчаливый, Вильгельм фон Нассау до сих пор следовал путем своих нассауско-брабантских предков. Но с

1559 г. он изменил курс. Принц становится вождем оппозиции политическому режиму, регентше, влиятельнейшему министру короля Гранвелле, и именно в этом качестве предстает исторической личностью, шагнувшей далеко за пределы бургундско-нидерландского мира и сыгравшей значительную роль в истории Западной Европы и империи.

ВОЖДЬ ОППОЗИЦИИ 1559–1567 гг.

Состояние дел в Нидерландах беспокоило короля Филиппа. Финансовое положение было подорвано, Генеральные штаты отказались ассигновать новые деньги, если не будут выполнены условия, которые король посчитал оскорбительными. В Брабанте оппозиция резче всех высказывалась по поводу привилегий, и Филипп знал, что высшее дворянство, и прежде всего принц, спровоцировали антииспанские настроения.

Положение усугубил новый конфликт. До сих пор Нидерланды были настроены против «иностранцев», испанских войск в стране, тяжелого финансового бремени. Теперь осложнения вызвала религиозная политика короля. Нидерланды получили новую церковную организацию, так как Филипп хотел назначить 15 новых епископов.

Епископ Гранвелла, верный министр короля, должен был стать Мехельнским архиепископом с двумя архиепископами в качестве помощников, а также примасом Нидерландов. Благодаря этому Нидерланды становились независимой церковной провинцией без связей с Кельном и Реймсом, которым прежде подчинялись. При каждом епископе должны были находиться два представителя Инквизиции для надзора за католическим вероисповеданием населения. В Государственном совете намеревались дальше проводить в жизнь планы короля.

Эти нововведения содействовали бы процветанию католической церкви и духовенства, но для народа олицетворяли ужасы испанской Инквизиции. План создания новых епископатов повсюду вызвал сопротивление, и многие города отказались принять вновь назначенных епископов (среди них Антверпен и Босх… в Брабанте!). Гранвелла выработал план, по которому новые епископы могли быть также аббатами или прелатами, и доходы аббатства тогда переходили бы к новому епископу.

Оппозиция активизировалась: прелаты хотели остаться на своих местах и сохранить доходы аббатств. Пришли в движение также и генеральные штаты. Прелаты как члены духовного сословия в штатах поддержали оппозицию в нидерландском национальном, антииспанском духе. Были опасения, что теперь епископы, креатуры короля, займут все места в штатах и ослабят оппозицию. По этому пункту интересы дворянства совпали с интересами сословий и духовенства. Раньше сан епископа получали выходцы из знатных дворянских семей, теперь эта

привилегия у дворянства была отнята! Противостояние городов, духовенства и штатов поддержала высшая аристократия, и в первую очередь граф Эгмонт и принц Оранский. На землях принца находилось много владений норбертинских аббатств. Он всегда поддерживал добрые отношения с прелатами, и они часто гостили в замке Бреда. Их отсутствие на заседаниях штатов сильно ослабило позицию принца, а вместе с ним и высшего дворянства. Из-за сопротивления прелатов, а также благодаря вмешательству Рима, план Гранвеллы был отложен на многие годы. Отношения Оранского и Гранвеллы сильно осложнились тем, что последний (кардинал с 1561 г.) в непокорности духовенства и сословий не без оснований увидел влияние Оранского.

Оранский и Эгмонт не были привлечены к обсуждению реорганизации в Государственном совете, но внешне все выглядело так, будто они несли за нее ответственность. То же самое произошло при рассмотрении весьма щекотливого вопроса о выводе из Нидерландов испанских войск. Принц упорно возражал против подобной практики: в июле 1561 г. они с Эгмонтом отправили королю резкое письмо, в котором требовали обсуждения всех дел на пленарном заседании совета. Ответа не последовало, и оппозиция усилилась. Друг Оранского Филипп де Монморанси, граф Горн, теперь уже в Государственном совете стал на сторону Оранского и Эгмонта, и они втроем противостояли планам короля об использовании специального отряда кавалерии в войне против французских гугенотов. После этого от Гранвеллы и правительницы — с 1559 г. Маргариты Пармской — поступила жалоба Филиппу: Оранский и его друзья вызывают беспорядки в стране.

Вильгельм и его коллеги в Государственном совете вынесли дело об аббатствах и кавалерийском отряде на собрание рыцарей ордена Золотого Руна, в результате чего королю Франции было отказано в любой помощи в его борьбе против гугенотов на том основании, что это вызовет неодобрение и раздражение германских князей. В событиях видна рука Оранского: благодаря его браку с Анной Саксонской, дочерью покойного курфюрста Морица, в августе 1561 г. усилилось влияние гессенских и саксонских родственников.

Из собрания рыцарей Золотого Руна в мае 1562 г. образовалась лига дворян, которая под предводительством принца выступала против Гранвеллы и абсолютистской политики короля. От ее имени Оранский потребовал на Государственном совете созыва Генеральных штатов. В этом оппозиционном движении, в основном направленном против всемогущего

Гранвеллы, Оранский являлся руководящей фигурой и в качестве таковой был признан как друзьями, так и врагами.

Правительница и Гранвелла опасались, что Оранский и его друзья будут противостоять правительству и королю, применяя насильственные методы. Недовольство короля выразилось в том, что он не послал принца в качестве своего уполномоченного на рейхстаге во Франкфурте, который собрался по поводу избрания Максимилиана II. После этого Вильгельм совершил вызывающий поступок — отправился туда по собственной инициативе и оставался там до декабря, вел переговоры с германскими делегациями об участии рейхстага в борьбе против религиозных преследований.

Пребывание в Германии способствовало усилению агрессивной позиции принца. В марте было отправлено письмо королю Филиппу: Оранский, Эгмонт и Горн как члены Государственного совета требовали отставки Гранвеллы. В послании указывалось, что если требование не будет выполнено, они обратятся с ходатайством о своем выходе из Государственного совета. Гранвелла утверждал, что инициатором этой акции был Оранский. Поскольку ответа не последовало, Оранский пишет новое письмо: Гранвелла должен уйти, а до тех пор, пока это не произойдет, принц и его друзья присутствовать на Государственном совете не будет. Король Филипп и Маргарита Пармская теперь твердо убеждены: Оранский виноват во всем. А потому следовало — именно так — усилить наблюдение за его отношениями с германскими родственниками. Брат принца Людвиг Нассау был тогда посредником между Оранским и его германскими друзьями; с ним Вильгельм обсуждал план возможной вербовки ландскнехтов. Маргарита с недовольством следила за частыми поездками Людвига Нассау, жившего при дворе принца. 13 марта 1563 г. последовала отставка Гранвеллы. Настало время триумфа для Оранского, который теперь вернулся в Государственный совет и занял ведущее положение в государстве. Слишком долго можно описывать многочисленные раздоры, возникшие потом между Оранским и правительством, но нужно заметить, что после пережитого успеха политика Вильгельма стала менее радикальной. Принц доказывал свою верность католической церкви столь убедительно, что никто не мог заподозрить его в терпимости к кальвинизму.

По отношению к папе римскому он вел себя лояльно, хотя в его наследном княжестве Оранском к католической церкви относились иначе. Вильгельм вызвал неприязнь у нидерландских кальвинистов, и Людвиг предостерегал его от этих фанатиков. С другой стороны, он с большим интересом следил за развитием

гугенотского движения во Франции и даже рассчитывал на его возможную помощь в борьбе против Испании. Принц сохранил тесные отношения с теми теологами, которые выступали за равенство между религиями, и не прекратил поддерживать связь с германскими родственниками-лютеранами и друзьями, в чем неустанную помощь оказывал ему Людвиг. Хотя Оранский называл себя верным слугой короля, он решительно противостоял его централизованной абсолютистской политике, но всячески избегал любых отношений со сторонниками радикальных мер, осевшими за пределами страны. И тем не менее все нити оппозиции вели к принцу. Создается впечатление, что события увлекли его за собой, и он чувствовал себя вожаком целого движения, целей которого в тот момент еще не видел.

После отъезда Гранвеллы Оранский и его друзья вернулись в Государственный совет и попытались усилить влияние дворянства и Генеральных штатов. Принцу даже удалось добиться от Маргариты Пармской более мягкого отношения к религиозным вопросам, и это произошло как раз в тот момент, когда король приказал огласить решение Тридентского собора, в котором указывалось, что светские инстанции по делам Инквизиции подчиняются епископам. Между тем под духовным руководством Оранского оппозиция настолько усилилась, что до 1565 г. новые епископства еще не были созданы и публикация решений Тридентского собора была возможна только с ограничительными оговорками.

31 декабря 1564 г. принц произнес в Государственном совете памятную речь, которая однозначно определила его позицию в религиозном вопросе, однако его собственные религиозные убеждения остались невысказанными. Он считал, что король должен знать об опасности всеобщих беспорядков из-за религиозных гонений, поэтому решения Тридентского собора сейчас нельзя было претворять в жизнь. По его мнению, постановления по вопросу религии были слишком строгими. Монарх не имеет права самовольно навязывать веру своим подданным! Негодующий принц заявил, что об этом нужно немедленно сообщить королю. Сам Оранский отклонил предложение лично сделать это, но в инструкциях Эгмонту, который собирался ехать в Испанию, было указано на смуту, вызванную гонением на еретиков, а также содержалось условие: если король не сможет лично прибыть в Брюссель, то пусть предоставит правительнице полномочия, позволяющие смягчить религиозные указы. Указания Эгмонту — прямое следствие речи Оранского, — звучали как ультиматум принца королю, монарх так их и воспринял.

Вернувшись в мае 1565 г., Эгмонт высказал соображение, что, вероятно, в скором времени можно будет ожидать некоторого послабления. Но принц, напротив, считал, что король останется непреклонным, и когда в ноябре 1565 г. стали известны его пресловутые письма из леса в Сеговии, оказалось, что Оранский был прав. Все осталось по-прежнему, преследования еретиков продолжались, и правительнице запретили созывать Генеральные штаты. Таков приказ короля.

В это время в стране возросло недовольство. Оппозиция приобрела революционный характер. В связи с этим дворянству пришлось пойти на компромисс. Оранский настаивал на прямом и абсолютном неповиновении королевским приказам: только так, считал он, сопротивление достигнет цели. Те же, кто до этого сдержанно и нерешительно поддерживали оппозицию: герцог Эршо, сеньоры Берлеймона, Нуакарма и др., — теперь еще больше отдалились от Оранского и его друзей. Так как исчезли все препятствия в виде придерживающихся закона политических кругов, принц и его приверженцы попали под влияние повстанческих элементов, которые в конце 1565 г. сосредоточились вокруг «дворян». Остается открытым вопрос, сам ли принц выбрал этот радикальный курс, хотя известно, что преданный ему брат Людвиг, охваченный революционными идеями, разъезжал по стране, вербуя сторонников.

Оранский тоже не бездействовал: он зондировал почву в Германии и у гугенотов, часто принимал посетителей из этой страны и вел многочисленные переговоры с германскими дворянами в Виане, в замке своего друга Бредероде, кстати, кальвиниста. Для принца вопрос о возможной военной помощи из империи был первостепенным.

Из кругов кальвинистов вышли теперь активнейшие борцы. И так как в период созревания протестантства в Нидерландах маленький человек, как, впрочем, и большинство дворян, не понимал тонких различий в вероисповеданиях, многие приверженцы революционного «евангелистского» течения вступили в ряды радикальных кальвинистов. Даже Людвиг Нассау, воспитанный в духе дилленбургского лютеранства, попал под влияние кальвинистского учения и поддерживал отношения преимущественно с кальвинистскими теологами и дворянами. Бредероде, Николас Гам, Марникс Сент-Альдегонде, сеньор Кулемберга были близкими друзьями Людвига Нассау. Так как между братьями царило полное доверие и единодушие, Оранский точно знал, что происходит в кальвинистских кругах. Если принц в Государственном совете и делал вид, что удивлен определенными событиями, то только для того, чтобы ввести в

заблуждение своих противников. В беседах ведущих кальвинистов с Людвигом Нассау всегда отводилось место союзу с заграницей против королевской политики.

Принц стал сторонником политики «худшего»: если король хочет ужесточить меры, пусть так и будет, тогда восстание неизбежно. Но сам он отказывался от всякого участия в бесчеловечном гонении на еретиков. В начале 1566 г. принц сложил с себя все официальные полномочия и объяснил свое поведение в подробном письме к правительнице, указав, что там, где он является наместником, никогда не будет никакой Инквизиции; как истинному христианину она ему отвратительна. Вильгельм также сообщил Маргарите, что страна обнищала, пограничные кордоны с Данией являются причиной нехватки зерна, поэтому сейчас не время создавать напряженность. Принц остался на своем посту — так пожелала Маргарита Пармская, — но отказался претворять в жизнь религиозные указы на подвластных ему территориях. Оранский являлся примером для других дворян, поэтому его заклеймили как зачинщика мятежа. Теперь даже если бы он захотел, то не смог бы затормозить развитие сопротивления, тем более что его брат занимал ведущее положение среди кальвинистов.

Оранский знал, что происходит в кругах революционно настроенных дворян. В конце 1565 г. дворяне договорились выразить протест — дело, известное как «Дворянское соглашение». Принц хотя и не участвовал в этом мероприятии, но послал брата Людвига в Германию, чтобы собрать там деньги, необходимые для набора войск… что, собственно, входило также и в планы дворян-кальвинистов.

Это указывает на то, что принц тоже рассматривает возможность вооруженного восстания. Но как государственный деятель он пытался идти путем взаимопонимания и переговоров и остерегался затруднить возможное взаимопонимание открытым одобрением крайних позиций (своего брата!).

Примечательно, что все встречи, организованные Оранским после апреля 1567 г., были подготовлены еще в 1565 г. по поручению или с согласия принца Людвигом Нассау. Теперь переговоры велись в его замке Бреда с участием его нидерландских друзей, брата и германских офицеров. Обсуждалась возможность привлечь империю и императора к действиям по смягчению позиции Филиппа.

Как было уже сказано, принц не принадлежал к «Дворянскому соглашению», но уговорил Маргариту принять 5 апреля 1566 г. его представителей и прочесть их манифест: созыв Генеральных штатов, смягчение религиозных законов! Это были требования,

одобренные Оранским и его друзьями в Государственном совете. Речи Оранского в совете стали острее. Он осуждал абсолютистскую политику короля и 22 апреля снова попросил освободить его от всех должностей, высказав намерение покинуть страну. Дипломатический ход или истинное желание? Ничего не указывает на то, что принц собирался покинуть Нидерланды.

Следующие месяцы, от апреля до августа 1566 г., были для Нассау решающими. Мы не можем избавиться от впечатления, что не Оранский управлял тогда событиями, а события управляли им.

С апреля 1566 г. кальвинистское движение набрало силу и начало воздействовать на ход событий. Смягчение, или «модерация», на которое согласилась Маргарита, имело неожиданные последствия. Теперь лютеране и кальвинисты произносили проповеди в окрестностях городов; сила их воздействия увеличилась из-за социальной напряженности. Толпа религиозных фанатиков всерьез угрожала католическому духовенству. Беспорядок царил в крупных городах — Доорнике, Валансьенне, Генте, Антверпене… Тысячи вооруженных чем попало людей приходили на проповеди. В Антверпене положение стало таким угрожающим, что принц как наследственный бургграф Антверпена был послан туда для восстановления спокойствия и порядка. Там он, следуя своему поручению, поддерживал оживленные отношения с лютеранскими и кальвинистскими проповедниками и купцами.

Между тем брат Вильгельма и его соратник Бредероде, которого он хотел когда-то видеть своим заместителем в Голландии и Зеландии, вели переговоры с кальвинистскими вождями о вербовке войск. Еще в июле Людвиг от имени Оранского набрал в Германии ландскнехтов; кроме того окрепли связи с французскими гугенотами и принцем Конде.

В сборищах кальвинистских ремесленников Восточной и Южной Фландрии зародилось Иконоборческое восстание. В середине августа 1566 г. толпа двинулась на церкви и капеллы, уничтожая картины, разбивая витражи и грабя монастыри и аббатства. 22 августа восстание вспыхнуло в Антверпене. Оранский в это время отсутствовал, обсуждал в Брюсселе политическое положение с правительницей, членами Государственного совета и рыцарями ордена Золотого Руна. Беспорядки длились два дня и из Антверпена распространились на Гент, Мехельн, Герцогский лес (Герцогенбосх), города Зеландии, Голландии и др. Окружение Маргариты Пармской ударилось в панику, и под давлением событий Оранскому удалось уговорить правительницу: пока ждали окончательного решения короля по поводу манифеста дворянства (апрель

1566 г.), было разрешено отправлять службу там же, где и раньше, деятельность инквизиция временно приостановлена, и объявлена свобода вероисповедания, правда, при условии, что членами дворянского союза будет гарантирован порядок. Хотя не все были согласны с формулировкой «где и раньше», следствием договоренности стали возникшие в городах общины и миниатюрные «государства в государстве» лютеран и кальвинистов. По этому поводу Оранский как бургграф Антверпена частенько беседовал с нотаблями из протестантских кругов, поэтому понятно, почему в переписке с германскими родственниками мелькают высказывания о религиозных отношениях в «евангелистском» духе!

Причины раскола в оппозиции он видел в следующем: Иконоборческое восстание, озлобленность кальвинистов, обманчивое спокойствие лютеран отпугнули католиков из числа членов дворянского союза, откололся даже Эгмонт. Из многих источников Оранский знал, что последние события привели короля в ярость, он вынашивал план подавить все протестантское движение и привлечь к ответственности и наказанию вождей оппозиции: Оранского, Эгмонта, Горна и др.

В начале октября принц вел в Дендермонде переговоры с Эгмонтом, Горном и своим братом. Оранский обратил их внимание на угрозу мести короля и открыл друзьям свои планы: он, Эгмонт и Горн должны взять на себя управление страной и готовить вооруженное сопротивление! Нужно немедленно привлечь войска из-за границы, что, впрочем уже и так шло полным ходом.

Оранский, однако, остался один. Горн колебался, Эгмонт отклонил предложение и поспешил к Маргарите сообщить ей об этих планах. Для принца больше не было пути назад, он оказался вовлеченным в водоворот кальвинистского мятежа, который преследовал скорее религиозные, чем национально-политические цели. Маргарита потребовала от Оранского удалиться в принадлежащие ему земли — Голландию, Зеландию, Утрехт, — чтобы навести там порядок. Прибыв туда, принц заключил соглашение о проповедях в городах. Верный сподвижник Бредероде, помогал ему при укреплении замка Вианен, вербовке солдат и поиске необходимых для этого денег.

Между тем во Франции уже шли бои. Вожди гёзов и их войска, состоявшие из кальвинистов, вместе с кавалерией били правительственные. Были осаждены Валансьенн и Доорник. Эгмонт беспощадно обличал кальвинистов, в то время как в декабре 1566 г. дворяне, теоретики и делегаты кальвинистских общин под руководством Людвига Нассау обеспечивали

финансовую поддержку, а также вырабатывали религиозную подоплеку мятежа.

Настало время обратились за помощью к курфюрсту Пфальцскому Фридриху III. Надежды Оранского на поддержку оказались от напрасными. Лютеранские родственники отказались какого-либо сотрудничества с кальвинистами и от мятежа против своего государя. В Нидерландах дело дошло даже до серьезных столкновений между лютеранами и кальвинистами; принц тщетно пытался играть роль посредника.

Принц отказался давать правительнице новое подкрепление, так он полностью изолировался от дворянского сословия. В конце 1567 г. он покинул свои земли и снова стал бургграфом Антверпена, очага воинствующих кальвинистов. Маргарита попыталась с помощью имеющихся у нее полков сломить сопротивление. Осажденные города Доорник и Валансьенн пали. Антверпен остался последним городом, отказавшимся впустить правительственные войска, и единственным, где сохранилась свобода вероисповедания в русле договоренности от сентября 1566 г. Кальвинисты Антверпена упрекали принца в том, что он помешал им прийти на помощь графу Тулузскому, чьи войска были полностью разгромлены у города правительственными солдатами.

Оранский оправдывался, что если бы он открыл городские ворота, им бы пришел конец. Ему не простили и того, что в марте он помешал кальвинистам захватить власть в городе. Ему угрожали смертью, и много лет спустя эта принятая им позиция стала частью выдвинутого против него обвинения. Тем не менее действия Оранского были правильными. Не мог он допустить кровавой братоубийственной войны между лютеранами и кальвинистами! Антверпен, единственный город, где нашли прибежище кальвинисты и изгнанники из других городов, еще долго оставался в его руках и был открыт для беглецов!

Сообщение, что Фернандо Альварес де Толедо, герцог Альба, с тысячами солдат был послан во Фландрию, заставило повиноваться власти в основном всех дворян. Оранский остался почти в одиночестве — с Бредероде, графом Хоогстратеном, Марчинсом Сент-Альдегонде. Принц также заметил, что правительница всевозможными обещаниями пыталась удержать его в стране. Последний разговор с Эгмонтом состоялся в начале августа в Виллебреке. Попытка Эгмонта уговорить Оранского принести клятву верности не удалась, так как Оранский уже сделал выбор. Он не собирался ждать прибытия Альбы. Начался первый акт трагедии. Участники восстания должны были теперь бежать и готовиться к новой борьбе. Поскольку дальше

сопротивляться стало бессмысленным, Оранский посоветовал городским властям впустить правительственный гарнизон. Он собрал проповедников из лютеранских и кальвинистских общин и объявил, что наступило время покинуть город. 11 апреля 1567 г. он попрощался с городом и покинул его вместе с семьей — последний оплот сопротивления. За ним последовали тысячи беглецов: кальвинисты, лютеране и даже католики, принимавшие участие в мятеже.

Путь на родину — Дилленбург в Нассау — проходил через Бреду, где Оранский написал прощальные письма Эгмонту, Горну, маркизу Бергену, умирающему в Испании; он просил короля простить его, утверждая, что до самой смерти останется верным вассалом 22 апреля Вильгельм отправился дальше — через Граве, Клеве, Кельн в Дилленбург, дом своих предков…

Может, и правда, что для принца-революционера, вождя сопротивления, другое прощание было бы более достойным. Но час еще не пробил. Распад оппозиции, конечно же, не лучшая причина для преодоления неуверенности и нерешительности. Поведение Оранского в те годы определялось скорее обстоятельствами и событиями, чем собственными намерениями. Только укрепившись в Дилленбурге и Зигене, свидетелях кровавой мести испанцев в Нидерландах, принц стал настоящим мятежником. Между вождем радикальной оппозиции и вождем революции пролегли кровавые годы гонений в Нидерландах, акты возмездия Альбы, расправа над Эгмонтом и Горном и многими, многими друзьями, похищение сына… И сохранилась вера, хотя и очень зыбкая, в то, что народу нужно восстание.

ОТЪЕЗД И ВОЗВРАЩЕНИЕ 1567–1576 гг.

Сколько он находился в Дилленбурге, принц с волнением следил за развитием событий во Фландрии и Брабанте. С тех пор как 22 августа 1567 года грозный герцог Альба вошел в Брюссель, о восстании не было и речи; по-видимому, он занял в отношении города примирительную позицию. За два дня до этого в Левене герцог оказал сердечный прием старшему сыну Оранского Филиппу-Вильгельму, графу Бюрену, приняв его так тепло, что гофмейстер графа Генрих фон Вильтперг заметил, что Оранскому не мешало бы написать герцогу Альбе благодарственное письмо. 8 сентября Оранский так и сделал и, пользуясь случаем, снова заверил, что является верным вассалом короля. Было ли это проявлением дипломатии, комедией или свидетельством неуверенности в завтрашнем дне?

Еще до того как Оранский написал это письмо, обстоятельства полностью изменились. 5 сентября был образован «Совет о мятежах», или «Кровавый совет»; 9 сентября арестованы Эгмонт и Горн, а вслед за ними антверпенский бургомистр Антон Стэлен. Новый поток беженцев хлынул в прирейнские города и деревни. В Нидерландах начались резня, гонения и конфискации. 19 января 1568 г. последовал первый вызов принца на «Кровавый совет» как «предводителя и подстрекателя, зачинщика и виновника» мятежа, инициатора беспорядков, потому что он, согласно предъявленному обвинению, прикрываясь религиозными мотивами, хотел захватить власть в Нидерландах. Ясно как день, что речь шла только о политических преступлениях принца. Оранского обязывали предстать перед «Кровавым советом», хотя как рыцарь ордена Золотого Руна и имперский граф он подчинялся другим законам. 24 января пришел второй вызов, связанный с конфискацией всех его земельных владений. 15 февраля принц получил ужасное известие: Филипп-Вильгельм, его тринадцатилетний сын, был арестован в Левене за нарушение университетских привилегий и отправлен в Испанию. Оранский больше никогда не видел своего сына!

Принц решил сопротивляться: из Дилленбурга посыпались письма с протестами Альбе и генеральному прокурору. Вильгельм отвергал обвинения, жаловался на нарушение его прав рыцаря Золотого Руна, имперского графа и возмущался арестом сына. Жалоба вместе с правовым обоснованием — «Юстификацией»,

составленной с помощью французского кальвиниста Юбера Ланже и антверпенского пенсионария[5] ван Везенбеке, открыла ряд предназначенных для распространения сочинений принца. Оранский доказывал несостоятельность обвинения: восставал против Инквизиции, гонений, нарушения привилегий, правления иностранцев, против всего, что было чуждо духу и желаниям народа. Близкие друзья принца, члены муниципалитета, сообщили ему из Испании об опасных планах короля. Отсюда и его сопротивление, но он якобы никогда не поддерживал вооруженного восстания. Оранский ссылался на то, что король и Маргарита раньше неоднократно отзывались о нем с похвалой. Принц применил тактику, которой придерживался до 1581 г., заключающуюся в следующем: все эти жесткие меры несвойственны мягкому по природе характеру короля, а являются следствием дурных советов его приближенных. Борьбу же принц ведет только против этих министров!

Доказательство невиновности было как бы сигналом. Пришло время противостоять Альбе, а не королю. Во Фландрии возникло сопротивление. Лесные гёзы, отчаявшиеся изгнанники, вернувшиеся на родину из Англии ссыльные мстили испанским солдатам и духовенству. Из многих западногерманских областей, где собрались изгнанники из Нидерландов, к принцу были посланы депутаты с просьбой, чтобы он взял на себя руководство восстанием.

Длительность сопротивления, вербовка войск зависели от денежных средств. Владения Оранского были конфискованы, а его дилленбургских родственников обременяли большие затраты на содержание двора принца. Теперь в Дилленбург ежедневно прибывали гонцы, военные и друзья Вильгельма. Замок вскоре стал центром всех событий. Когда началась вербовка, положение ухудшилось тем, что по всему Нассау раздавался гомон солдатни.

Так как были нужны деньги, пришлось заложить драгоценности принца и семьи Нассау. Семейные сбережения использовались для налаживания отношений, необходимых, чтобы финансировать сопротивление. В распоряжение Оранского были представлены значительные суммы. В то время принца можно было встретить в Касселе, Зондерхаузене, Цигенгейме, Зигене, Вейльбурге и других местах.

14 апреля 1568 г. в Дилленбург прибыла депутация антверпенских купцов, таких же беженцев, как сам принц, и его знакомых, которая пообещала 300000 талеров для помощи религиозной борьбе. Но собрана была только небольшая часть суммы, и она предназначалась не для борьбы против испанской тирании, а для религиозной свободы.

Нидерландская протестантская община в Англии (беженцы) тоже собрала деньги, и в феврале 1568 г. к английской королеве Елизавете был послан брабантский сподвижник принца Жером Серклес, чтобы пробудить интерес к предстоящей борьбе. Людвиг между тем был занят вербовкой. 20 апреля одно войско в составе около 3000 человек под командованием сеньора Виллерса перешло нидерландскую границу у Юлиха, но было уничтожено у Эркеленца и Далема. Другое войско, состоявшее преимущественно из гугенотов и нидерландских изгнанников Франции, потерпело поражение 18 июля на нидерландско-фландрской границе. Третье войско под командованием Людвига Нассау пошло в направлении к Хронингену.

23 мая 1568 г. у Хайлигерлее Людвиг одержал победу над испанцами. Вскоре его войско насчитывало 12000 солдат, но тем не менее было разбито Альбой у Еммингена. Людвиг Нассау с частью солдат бежал в Восточную Фрисландию. Другой брат Оранского, Адольф Нассау, пал в сражении. Первые попытки вооруженного восстания кончились неудачей.

Не все германские родственники Оранского были согласны с ним и его военными действиями. Еще в марте 1568 г. император Максимилиан сообщил курфюрсту Саксонскому, что заступится за Оранского перед королем; поэтому гессенские и саксонские родственники посоветовали Вильгельму пока «сидеть тихо». Так как принц в битвах не одержал успеха, император, вероятно, официально запретил новое оснащение войска, и лютеранские родственники и друзья отвернулись от Оранского. Протесты, даже угрозы герцога Альбы германским принцам имели последствия. Финансовая помощь больше не поступала; Вильгельму оставалось надеяться только на поддержку своих дилленбургских братьев. Теперь Оранский пытался с помощью многочисленных посланий повлиять на общественное мнение в Германии. В этом отношении очень важным было письмо, содержащее оправдание действиями принца, посланное им 12 августа императору. В нем говорилось, что если ему удастся восстановить порядок и спокойствие в Нидерландах, это будет выгодно императору, который, возможно, станет наследником Филиппа. Принц просит императора о помощи, так как Нидерланды являются частью империи!

Вскоре Оранский опять начинает вербовку войск. Снова в Страсбурге заложены серебро и гобелены, и в Ремерсдорфе у Трира у него уже имеются в распоряжении свыше 22000 кавалеристов и пехотинцев. Важным является обращение Оранского к нидерландцам от 31 августа 1568 г. В нем говорится, что теперь он считает своим долгом по отношению к королю и народу принять решительные меры против убийств и грабежа в

стране; свою жизнь и состояние он готов пожертвовать ради свободы, и поэтому надеется на помощь населения.

Потом последовали переход через реку Маас у Штокема, разочарование из-за равнодушия, и даже больше, неприятия населения Брабанта и Лимбурга, бунт в войсках, поражение у реки Гете в Южном Брабанте, возвращение через Францию. В Бомонте, близ у Реймса, Оранский потерял своего самого верного товарища, католического графа Хоогштратена; Генрих Бредероде тоже умер недалеко от Бремена в 1568 г. 8 февраля 1569 г. последовал роспуск войск у Страсбурга. Подобный заключительный маневр часто повторялся в походах принца: нехватка денег, бунт и после всего тайное бегство от своих солдат.

В марте 1569 г. Оранский с остатками своего войска вместе с братьями Людвигом и Генрихом присоединился к графу Вольфангу фон Цвейбрюкену, который сражался с принцем Конде на стороне гугенотов. Принц рассчитывал на то, что победы гугенотов во Франции будут означать успех также для кальвинистов и лютеран в Нидерландах. Примечательно, что принц, в это время склонявшийся к лютеранству, сражался в кальвинистском лагере и там начал следовать французскому курсу, который не соответствовал нидерландской, фламандской традиции и германской имперской политике.

В конце июня во Франции, в Дроннском аббатстве, он встретил французского историографа Брантома, чье суждение о принце оказалось следующим: благородный сеньор, который правильно судит о всех делах, вынашивает великие планы, но всегда печален. Он мудрее и спокойнее своего брата Людвига.

В ноябре 1569 г. после битвы при Пуатье Оранский снова возвращается домой, окончив опасный и трудный поход. Там ждут другие заботы: его жена Анна Саксонская покинула Дилленбург.

С помощью нидерландских знакомых и заговорщиков готовились новые вторжения, но всегда не хватало денег. Борьба за свободу едва ли была бы возможна без посторонней помощи, точнее, без помощи брата Вильгельма — Иоганна.

Во время многочисленных переговоров, проходивших после 1570 г. в замке Дилленбург, принца поддерживали Пауль Биус из Лейдена и Якоб ван Везенбеке из Антверпена, который написал много манифестов и оправданий его действиям. После 1570 г. постоянным секретарем Оранского стал Филипп Марникс Сент-Альдегонде; среди его ближайшего окружения следует назвать также фрисландца Иоганна Базиуса, гугенота Юбера Ланжа, проповедника Вильерса л'Уазелера. Верный соратник принца

дворянин из Клеве Дитрих Зоной, член дворянского союза, являлся его посредником в Голландии и Утрехте. Он был послан Оранским ко дворам Дании и Швеции, чтобы найти там помощь, которой ему недоставало. Людовик Нассау, который между тем, по поручению Оранского, выдал каперские[6] свидетельства для беглых нидерландских капитанов, будущих морских гёзов, и в июле 1571 г. вел во Франции многочисленные переговоры о помощи принцу с адмиралом Колиньи и королем Карлом IX. Рассчитывали также на поддержку из Англии. Людвиг Нассау предложил Фландрию и Артуа вернуть Франции, Голландию и Зеландию отдать Англии, остальные провинции — империи. Оранский же будет управлять всеми этими провинциями только как высочайший наместник. Этот план представлял собой возвращение к добургундскому государственному образованию, за тем исключением, что Голландия и Зеландия (бывшие имперские лены) были бы потеряны для империи, и ничего не решилось о принадлежности «бургундского района» к империи. Примечательно, что Оранский позже еще больше опирался на французский курс. Договоренности Людвига с Карлом IX привели к тому, что в мае 1572 г. французская кавалерия поддержала Людвига при завоевании Бергена в Геннегау.

Казалось, пришло время для вторжения в Брабант. Поводом послужили не только возрастающие беспорядки во Фландрии и Брабанте, но также событие при Ден-Бриле, на северном побережье острова Воорне, недалеко от Роттердама. Там флот гёзов после вынужденного отплытия из Англии 1 апреля 1572 г. захватил порт Ден-Бри-ла. Вскоре пал Флиссинген в устье Шельды, а в конце июля многие города Голландии и Зеландии перешли на сторону Оранского и изгнали испанские гарнизоны. Повсюду пробудились уверенность и боевой дух, и из Нидерландов в распоряжение принца были предоставлены даже денежные средства.

Теперь Вильгельм готовился ко второму вторжению в Брабант. В июне он написал императору Максимилиану, что пойдет на Нидерланды и с помощью оружия освободит страну от Инквизиции. Принц уже был там, когда пришел ответ императора: объявление вне закона за нарушение мира в стране!

Оранский покинул Дилленбург 29 июня 1572 г. — дилленбургские земли тоже должны были участвовать в этом походе. Его прощание с замком предков, со старой матерью и родиной было последним. Больше Вильгельм их никогда не увидел. Двадцатитысячное войско стояло наготове у Дуйсбурга. Военный лагерь находился в Альдеркерке, а штаб-квартира принца до 15 июля была в аббатстве. Тем временем в Голландии

произошли следующие события. По поручению принца и приглашению города Дордрехта, 15 июля там собрались представители дворянства и городов.[7]

В качестве представителя Оранского на собрании присутствовал Филипп Марникс; принц называл теперь себя, как в 1567 г., правителем Голландии и Зеландии.

Филипп Марникс получил от Оранского верительные грамоты и инструкции, т. е. его программу. Представители признали принца правителем Голландии, Зеландии и Утрехта и постановили немедля начать переговоры с Гельдерном, Фрисландией и Гронингеном о признании и там принца как защитника Нидерландов от чужестранцев. Ему ассигновали также денежные средства для выплаты жалованья солдатам и заключили соглашение об организации флота и войска. По поручению принца было вынесено постановление: до окончательного решения генеральных штатов сохранить католикам и протестантам свободу вероисповедания.

Это тоже была победа принца, говорящая о его религиозной терпимости!

23 июля Оранский прибыл в Рермон. Момент был благоприятным, так как герцог Альба нуждался в своих солдатах для обороны от гёзов в Голландии и Бергене; сам Вильгельм с главными военными силами направился в Берген (Монсе; Геннегау), где Людвиг Нассау с французской помощью захватил город. Принц попытался заставить Альбу снять осаду Монса. В конце августа б его руки перешел Диет с окрестностями, а вскоре — Мехельн, Лёвен, Тинен, Аальст, и в сентябре — Дендермонд: он приближался к городу Монсу. Но ожидаемая Людвигом Нассау помощь французских гугенотов не пришла — парижская кровавая Варфоломеевская ночь разбила все надежды. Отсутствие денег и содатский бунт у Бринха вынудили Оранского к отступлению. Города Фландрии и Брабанта, выступившие в поддержку принца, были снова потеряны, и Оранский с остатками армии бежал через всю страну до Везеля и Эммерика и наконец 28 октября добрался до Алкмаара. Страх перед резней, гонениями, грабежами и ликование испанцев в ответ на события Варфоломеевской ночи парализовали население. Совершенно обескураженным Оранский вошел в Алкмаар. Теперь последним оплотом восстания стала Голландия. Здесь принц пожелал «стоять до конца» и, если не найдется другого выхода, здесь же найти свою могилу. Голландия являлась подходящим местом для очага сопротивления; поскольку там протекали Маас и Рейн и находилась дельта Шельды, оттуда можно было контролировать морские коммуникации с Испанией.

Под руководством принца, постепенно признанного во всех городах, в 1572 г. началось рождение Нидерландской республики. Очень важным было принятие принцем кальвинизма. Нельзя утверждать, что это произошло исключительно по политическим мотивам. Еще до 1568 г. чувствовалась перемена в религиозных взглядах Оранского. Тесное общение с кальвинистскими теологами и политиками подготовило это событие. Нас не должно удивлять, что влияние лютеранского воспитания принца при брюссельском дворе быстро исчезло. По его поведению после 1563 г. становится ясно, что постоянное общение со своей семьей, родственниками первой жены, посещения других родственников и озабоченные письма матери не остались без следа. Переписка принца в этот период показывает его религиозную позицию, не лишенную истинной набожности. Из переговоров о браке с Анной Саксонской можно сделать вывод, что его католические убеждения были очень нетвердыми и вера не была связана с католической церковью. Тяжелые времена после июня 1566 г., когда он жил в Антверпене, частые беседы с кальвинистскими и лютеранскими проповедниками и купцами, в определенном смысле позиция политического отмеживания лютеран, видимо, сделали актуальной для его политики вопросы религии. Высказывание принца в сентябре 1566 г., что самым важным для него является не церковная догма, а искренняя вера в Бога, раскрывает перед нами человека, который внутренне не чувствует потребности ни в одной форме вероисповедания, но мыслит как глубоко верующий человек.

Только когда судьба принесла ему тяжелые испытания, последовали внутренний перелом и осознание божественного промысла. В июне 1567 г. Вильгельм пишет ландграфу Гессенскому: «Мы от всего сердца стремились укрепить нашу душу и совесть, читая и перечитывая святое Божественное Писание и здесь и за пределами нашего нидерландского графства и владений…» Он искал религиозного разъяснения и даже выразил желание, чтобы в Гессене ему в этом помог лютеранский пастор Целль из Трейезы. Целль, вероятно, не приехал. Известно, что в это время в Дилленбургском замке находился кальвинистский теолог, друг адмирала Колиньи л'Уазелер. Приготовления к военной кампании, вероятно, прервали беседы принца о лютеранской религии с гессенским ландграфом. Вместо него с 1568 г. установился прямой контакт с гугенотами, Колиньи, Фридрихом III Пфальцским, немецкими и фламандскими теологами в Гейдельберге и с его прежним сподвижником Филиппом Марниксом Сент-Альдегонде, которого ему «одолжил» курфюрст, ван Везенбеке, чей брат еще в 1558 г.

организовал кальвинистские общины на Нижнем Рейне. Подготовка Эмденского синода (1571 г.), союз всех нидерландских тайных кальвинистских общин и провинциальный Бедбургский синод, являющийся важным для военных приготовлений к борьбе за религиозную свободу, побудили к прямому сотрудничеству принца и кальвинистов. Между тем в местах поселения фламандских и нидерландских изгнанников — Рейнской области, в Вестер-вальде и Курпфальце — были основаны тайные кальвинистские общины. Оранский часто беседовал с их представителями. Установление в 1571 г. Эмденским синодом тесной связи между религиозной свободой и политической борьбой подтверждает, что принц уже тогда нашел путь к кальвинистским взглядам. В 1537 г., вероятно, еще до октября 1537 г. он официально и торжественно (в Дельфте или Дордрехте) перешел в кальвинизм.

Характерной для религиозной позиции принца являлась терпимость по отношению к католикам и лютеранам, которая имела и политические причины: после 1572 г. почти 90 % нидерландского населения исповедовало католицизм; такие важные помощники Оранского, как граф Хоогштратен, Антуан де Лален, Пауль Бюис не были кальвинистами. Свобода вероисповедания считалась непременным условием для того, чтобы добиться сотрудничества всех нидерландцев и германских лютеранских принцев. Для политического развития терпимость представляла собой необходимость, для Оранского же она являлась внутренним убеждением, возникшим еще задолго до борьбы. Для политического и военного развития было очень важно, что принц в 1568 г. вступил на путь кальвинизма, хотя из-за этого постепенно оборвалась связь с лютеранскими принцами и друзьями.

По возвращении из Брабанта Оранский увидел, что для Голландии наступили тяжелые времена. Альба принял решение, невзирая ни на что, продвинуться на север. Не только солдаты, но даже беззащитные горожане подверглись издевательствам, покорения этой страны можно было добиться только наведением ужаса. Оранский находился в Голландии, когда Альба жестоко мстил деревням и городам. Было уничтожено население Цюфтена, в Наардане жителей собрали в церкви и убили.

Затем последовала осада Харлема, начавшаяся в конце 1572 г. ее сняли только в июле 1573 г., когда осажденные съели последние припасы. Населению обещали уважительное обращение но почти 2500 горожан стали жертвой солдат. Вскоре очередь дошла до Алкмаара, осада его началась в августе 1573 г. Но теперь Оранский смог оказать помощь голландскому

гарнизону. Гёзы захватили и разрушили дамбу, и испанские войска под угрозой наводнения отступили. Вскоре после этого был разбит испанский флот. Испанцы терпели поражение. Победа началась с Алкмаара.

Пробил великий час принца Оранского. В то время как страх перед кровавой местью испанцев вызвал у населения отчаяние, от Оранского исходили сила, уверенность и решимость. Принц всегда был там, где возникала острая необходимость в помощи, хотя ему приходилось преодолевать все возможные трудности; с городскими властями следовало обращаться со всей осторожностью, так как они часто были католиками, настроенными происпански, а также нельзя было больше рассчитывать на финансовые пожертвования. Письмо Вильгельма к отчаявшемуся и нерешительному предводителю гезов полно уверенности: «Вы спрашиваете, заключил ли я союз с каким-нибудь могущественным королем или правителем? На это я отвечаю, что позаботился об угнетенных христианах этой провинции, заключил тесный союз с Господом и твердо убежден, что все, кто верит в него, будут освобождены Его всемогущей рукой. Хозяин небесной рати пошлет нам войска…» Так он настроен еще в августе 1573 г. Но положение вскоре снова ухудшилось. Испанцы с 1573-го до 1574 г. держали в осаде город Лейден, им удалось завоевать также Гаагу и Маасшлюз, где был взят в плен самый верный сподвижник Оранского Марникс Сент-Альдегонде. Однако оккупированный испанцами Миддельбург капитулировал в феврале 1574 г., и теперь Оранский мог восстановить в Зеландии порядок и администрацию.

В это время принц пытается собрать новое войско. Но для этого ему нужны деньги, и эти деньги он хочет получить из Франции, где король Карл IX, казалось, готов ослабить власть Габсбургов в Испании и империи, так как Габсбурги, то есть император, пытались помешать избранию королем Польши брата Карла IX Генриха Валуа. Поэтому Оранский видел во Франции союзника и предложил план совместного ведения войны против Испании, заключающийся в следующем: то, что завоюет Карл IX кроме Голландии и Зеландии будет принадлежать ему, Франция, таким образом, могла бы завоевать бургундско-габсбургскую территорию до самого Рейна. По-видимому, Карл IX и его советники не отвергли весь план полностью, потому что Людвиг Нассау набрал германские войска на французские деньги и в начале 1574 г. двинулся на Маастрихт с намерением снова вторгнуться в Брабант. Принц возлагал большие надежды на этот поход, помня, что население юга пришло в волнение. В конце 1573 г. Альба покинул страну, уехав в Брюссель, и в ноябре

1573 г. в Нидерланды прибыл его преемник дон Луис Реквезенс. Как считал Оранский, время было благоприятным для наступления. В конце февраля 1574 г. Людвиг Нассау двинулся на Маастрихт, но безуспешно. 14 апреля его лагерь у Моокерхейде подвергся нападению испанцев, и войско было уничтожено. На этот раз в бою пали Людвиг Нассау, младший брат Оранского Генрих и граф Кристоф Пфальцский, сын курфюрста. Следовало опасаться, что теперь испанцы снова продвинутся в Голландию и Зеландию. Моокерхейде был для Оранского тяжелой потерей. В лице Людвига Нассау он утратил не только полководца, своего надежного представителя при французских союзниках и помощника, но и дорогого брата и советчика. Еще с 1562 г. они бок о бок боролись против испанского абсолютизма.

Три сына Нассау отдали жизнь за свободу нидерландцев, их матерью Юлианой фон Штольберг была принесена огромная жертва.

После ужасного поражения, потери братьев и войска мы видим отчаявшегося, убитого горем Оранского. В знаменитом письме от 7 мая 1574 г. единственному оставшемуся в живых брату Иоганну Нассау, который лишь благодаря случаю избежал участи Людвига (по заданию покинул лагерь), перед нами предстает Оранский-человек. Он признается, что им овладело тяжкое горе и уныние: «Я почти не осознаю, что делаю… Но если на то Божья воля, мы должны это перенести…» Однако в том же письме звучат слова государственного деятеля и неутомимого борца, который видит новые пути: «Если эта всеми покинутая страна снова попадет под власть испанской тирании, может статься, что везде начнутся религиозные гонения, и тогда ей будет грозить полное уничтожение…»

Сигналом для возобновления борьбы послужило сопротивление Лейдена испанской осаде, которая в начале октября 1457 г. была снята, и город торжественно приветствовал Оранского. К тому же новые силы и надежды людям придал бунт испанских войск из-за задержки жалования.

Население южных и восточных провинций постепенно присоединялось к повстанческому северу. Когда наместник Реквезенс, хотя и достигший военных успехов на севере, но сильно нуждающийся в деньгах, созвал в июне 1574 г. Генеральные штаты, депутаты потребовали вывести иностранные войска, убрать из администрации всех чужеземных чиновников, признать привилегии и заключить мир с мятежниками севера. Загнанный в угол Реквезенс был вынужден начать переговоры о мире с Оранским.

Принц провел подробные обсуждения вопроса с посланцами

наместника Реквезенса. Тогда-то и родилось его знаменитое высказывание: «Нидерланды — как невеста с приданным, которую добиваются много женихов. Но лучше бы ей достаться королю Испании…»

Провинциальные штаты Голландии позже тоже участвовали в переговорах о мире, которые проводились 1 марта 1575 г. в Бреде и Гертруденбурге. Попытки Реквезенса расположить к себе Оранского не увенчались успехом, и штаты Голландии тоже оставались твердыми в своем мнении. Было предельно ясно, что помимо религиозного вопроса все провинции согласны с антииспанским, национальным нидерландским курсом. Между тем военные действия продолжались, и испанцы уничтожали население захваченных ими городов и деревень, тогда как Оранский пытался призвать предводителей гёзов к человечности и дисциплине, что ему не всегда удавалось. Ему было необходимо срочно восстановить в Голландии и Зеландии прежний политический строй, он хотел положить конец «законным формам», возникшим в период реформационного развития во время восстания и военных действий. Голландия и Зеландия тогда бы являлись отправным пунктом для «воссоединения» габсбургско-нидерландских провинций.

По этой причине принц пытался соединить Голландию и Зеландию в прочный союз с собственными наместником и штатами. Оранский, все еще назначенный от имени Филиппа наместник Голландии и Зеландии, с депутатами обеих провинций должен был при всех обстоятельствах руководить обороной страны и распоряжаться деньгами, которые ассигнуют штаты. В его задачу входила также обязанность поддерживать кальвинистов и не допускать появления никаких религий, противоречащих Евангелию. Фактически официально разрешался только кальвинизм. Города Голландии и Зеландии, которые поклялись Оранскому в верности и послушании, под давлением кальвинистских военных, признавали только реформистскую церковь. Принц же хотел иного: он стремился привлечь на свою сторону также и южные провинции, а для этого нужно было признать католическую и лютеранскую ветви религии. Этот союз между Зеландией и Голландией под управлением Оранского заключили в апреле 1576 г., в то же время, когда следовало безотлагательно заниматься и другими нидерландскими провинциями.

Однако принц хотел сначала получить помощь за границей. Речь могла идти только о Франции и Англии, так как помощи со стороны лютеранских германских принцев ждать больше не приходилось, но и отношения с Францией в тот момент были

мало обнадеживающими. После Карла IX (умершего в 1574 г.) на трон взошел его брат Генрих III, до этого король Польши, являвшийся ярым противником гугенотов. Терпимо к приверженцам кальвинизма относился только его брат Франсуа Анжу, герцог Алансонский, но он не имел политического влияния.

Брак Оранского с Шарлоттой де Бурбон, кальвинисткой, дочерью католика герцога де Монпансье, заключенный в июне 1577 г., вызвал неодобрение при французском дворе, а лютеранские родственники принца были в обиде, что он женился на француженке — кальвинистке при живой «душевнобольной» жене Анне Саксонской.

Поскольку на финансовую помощь Франции больше нельзя было рассчитывать, Оранский попытался получить ее из Англии от королевы Елизаветы, которая когда-то приняла послов Оранского, но никаких обещаний не дала. В конце 1575 г. Елизавета даже послала в Голландию своих дипломатических агентов, чтобы быть в курсе состояния дел по поводу возможного союза с Францией. Тогда от имени штатов Голландии и Зеландии в Англию отправили Марникса и пансионария Энкгуицена, чтобы предложить королеве титул графа Голландии и Зеландии, что она однако отклонила. Но пообещала помочь при условии, если штаты, то есть Оранский, не обратятся за поддержкой к другому монарху. Принц начал виртуозную политическую игру с участием Англии и Франции. Англия хотела помешать Франции добиться влияния в Нидерландах, Франция же, со своей стороны хотела, чтобы Англия не вмешивалась в дела нидерландских земель. Наконец дело дошло до того, что и Франция и Англия пожелали оказать помощь.

Оранскому же осталось строить свою дипломатию на подозрительности обеих держав, что было очень дальновидно. Другого пути не существовало, потому что обстоятельства вынудили его подыгрывать кальвинистским фанатикам, а это затрудняло связь с лютеранской Германией.

ГЕНЕРАЛИТЕТ ОРАНСКОГО И ЕГО СЛАБОСТЬ 1576–1579 гг.

Единые Нидерланды! Мечта Оранского! Принц считал, что пришло время восстановить это единство в габсбургско-бургундском духе, и ему помог случай.

5 марта 1576 г. умер испанский наместник дон Луис Реквезенс де Цунига. Власть перешла в руки Государственного совета, нидерландские члены которого уже давно противостояли испанскому представителю Иеронимо де Роде. Борьба ослабила власть Государственного совета. К этому добавились требования испанских солдат, которые не получали денег более 22 месяцев. Деньги не поступили даже после тяжелого штурма Зирикзее (конец 1575 г.), и солдаты начали открытый бунт, вторгшись в Брабант и Фландрию, чтобы там грабежом и поджогами возместить свое жалование. Население городов Брабанта приготовилось к обороне и потребовало изгнания бунтовщиков, организовав сопротивление и завербовав ландскнехтов. При поддержке «брабантской армии» власть местных штатов превзошла авторитет Государственного совета. Пришла в движение также Фландрия, и когда бунтовщики начали угрожать Ген-ту, Оранского, находившегося в Миддельбурге (и между тем установившего связь в Брабанте и Фландрии), попросили оказать военную помощь. Принц призвал Брабант сбросить испанское иго, а когда члены Государственного совета попытались воспрепятствовать этой антииспанской политике, то были арестованы жителями провинции. С сентября 1576 г. брабантские штаты осуществляли управление, вели переговоры с представителями Оранского и собрали в Генте Генеральные штаты лояльных провинций, где 5 ноября заключили с делегатами Голландии, Зеландии и Утрехта «Гентское умиротворение», — союз севера и юга, — к которому стремился Оранский. Он достиг своей цели: руководить всеми Нидерландами. Теперь нужно было совместно потребовать вывода иностранных войск, обосновывая это дипломатическим вымыслом Оранского: боролись якобы не про- тив короля, а против вероломных сановников, плохо управлявших страной. Понесшие наказание после 1566 г. или покинувшие страну до вторжения Альбы были амнистированы, все репрессивные меры отменены. Как только изгнали иностранных солдат, собрались генеральные штаты. Но Вильгельму не удалось разрешить религиозного

вопроса; о мире нечего было мечтать. В Голландии и Зеландии католическое вероисповедание осталось по-прежнему запрещенным, тогда как в других провинциях признавался только католицизм. Однако больше никого не преследовали и не наказывали. Генеральные штаты решили определиться по религиозному вопросу позже. Примечательно также, что полномочия расширились, теперь они могли «предписывать», а не только советовать. 8 ноября 1576 г. было подписано «умиротворение».

Правда, осуществлению нового постановления препятствовали многие обстоятельства. Новый испанский наместник, сводный брат Филиппа дон Хуан Австрийский, который 3 ноября прибыл в Люксембург, с помощью обещаний смог склонить на сторону короля некоторых членов Генеральных штатов. Мешали и многочисленные приверженцы «обособления» во всех провинциях, и прежде всего религиозные вопросы. Статьи «умиротворения» не остановили воинствующего кальвинизма. Против принца выступило местное дворянство. Старые аристократические династии сопротивлялись усилению полномочий Оранского, тем более что теперь он был кальвинистом, а они остались католиками.

Брабант и Фландрия хотели бы видеть принца у себя в стране, но этому помешал герцог Эршо, который еще до 1566 г. был противником Оранского.

Оранский, все еще находившийся в Миддельбурге, достиг между тем следующего: Генеральные штаты поставили условие, что признают дона Хуана в том случае, если иностранные солдаты покинут страну и он присоединится к «умиротворению». Принцу было нетрудно вызвать недоверие к дону Хуану, так как из многих перехваченных писем стали известны намерения нового наместника: сначала завоевать страну, а потом восстановить королевское правление, как это было раньше.

Переговоры Генеральных штатов с доном Хуаном велись в Намене (Намюр), Мархе и Хее. Чтобы еще раз утвердить согласие с наместником, была заключена Брюссельская уния (январь 1577 г.) с целью соблюдать правомочность «Гентского умиротворения» и кальвинистской религии, что, собственно, противоречило духу «мирного договора» относительно религии. Эта декларация открыла путь дону Хуану, который в «Вечном указе» от 12 февраля 1577 г. признал «умиротворение», согласившись на свободное собрание Генеральных штатов и вывод войск, но при этом поставил условие, заключающееся в признании власти короля, полномочий самого Австрийского как наместника и католической религии. Дон Хуан пытался привлечь

Оранского к унии, но добился противоположного. Голландия и Зеландия отозвали своих депутатов, и принц смог успешно повлиять на кальвинистские радикальные элементы и прочих в Брабанте и во Фландрии, использовав лозунг «Религия в опасности!». В то время, когда Оранский посещал город как наместник Утрехта, дон Хуан совершил торжественный въезд в Брюссель. Из-за двусмысленных высказываний и преувеличенной любезности создавалось впечатление, что он притворялся. Поэтому во многих фламандских и брабантских городах руководство взяли на себя сторонники принца, которых поддержали вернувшиеся изгнанники-кальвинисты. Влияние Оранского постоянно росло. Дон Хуан забеспокоился, почувствовал себя неуверенно и для спасения видел только один путь: снова начать открытую войну против Оранского, Голландии и Зеландии и арестовать всех еретиков в нарушение договоренностей «Гентского умиротворения». Теперь он решил сражаться с открытым забралом. Наместник удалился в Намюр, захватил цитадель и отозвал назад испанских солдат. Все события указывали на начинающуюся войну между доном Хуаном и Генеральными штатами (июль 1577 г.).

Пробил час Оранского. Радикальные сторонники принца, представители корпораций и другие повсюду создавали городские коллегии («коллегии восемнадцати»); солдаты штатов с помощью голландской кавалерии выгнали оккупационные войска из городских цитаделей, только Намюр и Люксембург оставались на стороне дона Хуана.

Оранскому пришло приглашение из Брабанта и Фландрии, а 6 сентября Генеральные штаты постановили просить принца как члена Государственного совета взять на себя руководство властью в провинциях. Однако поставили принцу условие: относительно религиозных вопросов он должен придерживаться «политики умиротворения». Для официального лица это означало легкую победу, но для человека — огромный успех. Как изгнанник Оранский бежал в апреле 1576 г., чтобы теперь после десяти лет ссылки, десяти лет бедности, унижений и борьбы вернуться на свою фламандскую родину спасителем и освободителем!

Встреча Оранского в Антверпене и Брюсселе подробно описана его современниками. В письмах и свидетельствах городских властей и соратников принца по борьбе воссоздается величественная картина. Но больше всего обращает внимание активное участие в этой восторженной встрече простых людей. Здесь действительно уместно сказать: «отец отечества». Хотя (или, скорее, потому что) каждый знал, что принц — кальвинист и противник дона Хуана, проводивший кроме того,

антииспанскую и антикоролевскую политику, его приезд встретили всеобщим ликованием.

18 сентября 1577 г. в Антверпене Оранский ведет переговоры с английским послом Девисоном, так как по-прежнему рассчитывает на помощь королевы Елизаветы. После того как штаты Геннегау установили связи с братом французского короля Франсуа Анжу, герцогом Алансонским, принц снова повернулся в сторону Священной Римской империи; Голландия и Зеландия настоятельно рекомендовали просить о помощи кальвинистского пфальцграфа Казимира. В этом многообразии политических возможностей для Оранского кое-что осложнилось.

24 сентября в Брюсселе на собрание Генеральных штатов его встретили восторженным приветствием, особенно представители Норбертинского аббатства, старые друзья, которые одобряли антииспанскую политику. Генеральным штатам из городов были направлены многочисленные прошения о взятии решительного курса. Присутствие Оранского создало опасную ситуацию для вернувшихся ожесточившихся эмигрантов и проповедников. Поэтому противникам принца из феодального дворянства представилась возможность подорвать его репутацию. Герцог Эршо пытался наряду с ним назначить католического наместника — не испанца и не врага испанцев. На эту высокую должность был избран брат императора Рудольфа, молодой эрцгерцог Матвей. Надеялись, что король Филипп в конце концов примирится с габсбургским родственником и отзовет дона Хуана, который все еще находился в Намюре. 4 октября 1577 г. Матвей уже пребывал в Маастрихте в ожидании введения в должность Генеральными штатами.

Оранский отразил и этот контрудар, опираясь на растущую силу противников. Радикальная брюссельская «коллегия восемнадцати» потребовала «чистки генеральных штатов» от происпанских элементов и назначения принца «руваардом», т. е. защитником Брабанта. Пока брабантские штаты раздумывали, толпа заставила утвердить это назначение. Так Оранский стал руваардом Брабанта, а также общим представителем нового наместника Матвея. Но герцог Эршо, который привез Матвея, был вскоре арестован Гентской «коллегией восемнадцати» вместе со своими католическими советниками, епископами Ипра и Брюгге. Таким образом ослабили происпанскую партию, и Оранскому удалось ввести в Государственный совет кальвинистов, таких как его представитель Марникс Сент-Альдегонде. 20 января Матвея признали наместником, после того как 10 декабря 1577 г. вторая Брюссельская уния снова закрепила единство провинций. Восемнадцатилетний Матвей согласился иметь рядом с собой

принца в качестве высшего военного чина. Теперь Оранский действительно возглавил генеральные штаты. Но важный вопрос не был решен: кто поможет нидерландцам? Продолжались переговоры с французским принцем Анжу. В мае 1576 г. Оранский предложил ему верховную власть над Голландией и Зеландией, после чего помощь была обещана и валлонские католические круги из Геннегау предпочли помощь французов. Переговоры с Англией тоже прошли успешно: пфальцграф Иоганн Казимир по распоряжению королевы Елизаветы должен был оказать важную поддержку. Но, несмотря на все это, для Оранского оставалась угроза вторжения дона Хуана, который со своими итальянскими и испанскими солдатами уже разбил войска Генеральных штатов у Жемблу дошел до Брюсселя и вступил в Геннегау.

Инициатива Оранского добиться единства и претворения в жизнь решений унии была все еще осложнена религиозными отношениями. Напряженность между католиками и кальвинистами влияла на сотрудничество Голландии, Зеландии и Утрехта, с одной стороны, а с другой — всех остальных провинций; разногласия по этому поводу существовали также и в городах. Терпимость, проповедуемая принцем, не нашла отклика. Кальвинизм приобрел много сторонников среди ремесленников и носил определенную социальную и политическую окраску не без демагогического оттенка, что привело к сдержанности дворянских и католических соратников принца. Религиозные различия стали опасными в городах Фландрии и Брабанта, где управляли кальвинистские коллегии, которые часто запрещали католическую религию (например в Генте); они держались также на расстоянии от центральных органов власти и отказывали Оранскому в повиновении. С опасностью религиозных различий была связана угроза обособленности. Так, например, в Генте нетерпимые проповедники Модед и Датхеен, вернувшиеся на родину из Пфальца, подчинились фанатичному пфальцграфу Иоганну Казимиру и клеветали на Оранского. Речи и выступления Оранского и Генеральных штатов против тирании кальвинистов не исправили положения, и в конце концов католики Южной и Французской Фландрии стали защищаться и нашли поддержку у валлонских католиков Геннегау и Артуа, которые уже некоторое время противостояли Генеральным штатам. Принц прекрасно осознавал опасность. В конце декабря 1578 г. он побывал в Генте, но безуспешно. По истечении года «недовольные», т. е. католики из Фландрии, Артуа и Геннегау, объединились в Утрехтский оборонительный союз (6 января 1579 г.). Они еще признавали власть Матвея и Оранского, переписывались с ними и кроме всего

прочего требовали непременного соблюдения «Гентского умиротворения» по вопросам религии. Оранскому не удалось выполнить этого требования. Гент оставался глух к просьбам принца, и валлонские «недовольные» в конце концов примкнули к новому испанскому правителю Александру Фарнезе, герцогу Пармскому, сыну Маргариты. В мае 1579 г. распался генералитет, союз — мечта Оранского, на севере началось сепаратистское движение, на этот раз в кальвинистском направлении.

Между тем у принца появились новые заботы, обнажившие его слабость и отсутствие цели. Они отразились и на внешней политике. В период этого кризиса у принца трудно обнаружить прямую внешнеполитическую линию, более того, не будет преувеличением сказать, что она вообще отсутствовала, если не считать таковой его постоянные усилия заполучить французскую помощь.

Оранского покинула всякая надежда на германцев. Принадлежность к кальвинизму лишила его этой возможности. Помочь мог бы только курфюрст Пфальцский, но его сын Иоганн Казимир являлся нетерпимым нарушителем общественного порядка в Нидерландах.

Характерным для политики Оранского было использование противоречий между Англией и Францией; только для Елизаветы французский противник был не очень-то важным. К тому же, как только возникли планы о браке Елизаветы с Анжу, дипломатической игре принца помешали. Французский курс принес Оранскому большие трудности. Анжу исповедовал католицизм, и хотя Оранский заявил, что французский принц очень терпим к религии и не собирается причинять зла кальвинистам, его мало кто поддерживал. В Голландии существовала сильная оппозиция этому курсу, но еще сильнее она действовала во Фландрии и в Брабанте, там Францию считали заклятым врагом.

Сидеть на двух стульях Оранскому сначала удалось. Он предупредил королеву Елизавету о планах нападения дона Хуана на Англию (испанский наместник хотел освободить Марию Стюарт); через Анжу он хотел завести друзей среди валлонского католического дворянства. В августе 1578 г. состоялась договоренность с Франсуа Анжу: его признали «защитником свободы Нидерландов от тирании испанцев и их приспешников!». Французский принц был готов оказать военную помощь, а в качестве ответной услуги получал в залог города в Геннегау и обещание (опасное по своей сути): все завоевания, совершенные им в Люксембурге и свободных графствах, перейдут в его собственность. Анжу двигался в направлении Рейна, и Оранский,

теряя престиж, освобождал ему этот путь. Ранее уже упоминалось, что брат Оранского Иоганн, правящий граф Нассау и наместник Гельдерна, предостерегал принца от этой антигерманской дипломатии.

Между тем и в империи началось беспокойство по поводу Нидерландов. Император Рудольф изъявил желание посредничать между Филиппом II и Генералитетом, но при условии, что будет сохранена верность королю и католической религии. Его брат Матвей, наместник Генералитета, настаивал на помощи Нидерландам как члену Вестфальского округа. Генеральные штаты послали к императору представителя; на рейхстаге, состоявшемся в апреле 1578 г. в Вормсе, появились нидерландские дипломаты Марникс Сент-Альдегонде, верный советник Оранского, и Иоганн Гентский. Марникс должен был потребовать от германских принцев помощи, так как Нидерланды были частью империи и «вообще-то входили в Вестфальский округ». Делегатам рейхстага также нужно было доказать, что покорение Нидерландов повредит империи. Эта тема обсуждалась в феврале 1578 г. на собрании Вестфальского округа в Кельне.

В Вормсе одобрили назначение эрцгерцога Матвея наместником, однако военной помощи не пообещали, хотя к Оранскому отнеслись доброжелательно. Препятствием послужили кальвинистские убеждения Оранского, да и французский курс вызвал на рейхстаге неудовольствие.

Тем временем Оранский почувствовал растущее волнение в стране. По его мнению, нужно было изменить в «умиротворении» статью о религии, что и послужило причиной для возникновения плана установления религиозного мира, который он предложил на Государственном совете в июне 1578 г. Принц предложил следующие условия: во всех городах и деревнях должны были разрешить католическую, лютеранскую и кальвинистскую религии. Но этот религиозный мир не соответствовал соглашению и сначала был отклонен на различных собраниях штатов. Принц настаивал на своем плане, который наконец издался в виде закона 15 октября 1578 г., как раз в тот момент, когда кальвинисты уже повсеместно проповедовали свое учение. Оранский рассуждал правильно: только религиозный мир, пусть даже теоретически, мог принести объединение. В действительности же все было иначе. Непреклонное католическое духовенство и дворянство, с одной стороны (декрет папы, июль 1578 г.), а с другой — энергичные, не считающиеся ни с чем жестокие кальвинисты, видевшие в религиозном мире новый повод для ссор и разъединения, что нашло свое выражение в Атрехтской и Утрехтской униях.

Настоящий союз всех провинций, к которому стремился Оранский, не был достигнут. Целью принца по-прежнему было усмирение религиозных волнений и союз всех провинций, тогда как его брат Иоганн в качестве ответных действий на отделение валлонских провинций в Атрехтской унии стремился к союзу всех северных протестантских провинций с ярко выраженной антифранцузской направленностью, что ему удалось сделать вопреки намерениям Оранского. 28 января была заключена Утрехтская уния, согласно которой, не отвергая Генералитета, на основе религиозного мира был образован отдельный союз северных провинций, не распространявшийся, однако, на кальвинистские Голландию и Зеландию. Важным было то, что ни один член этого объеди- нения не мог самостоятельно заключить союз с иностранным государством. Сначала Оранский не одобрил этот союз, так как, по его мнению, он ослабил Генералитет. Позже он понял, что только Утрехтская уния гарантировала динамику революции, и вскоре к ней присоединились города Фландрии и Брабанта.

Генералитет больше не был актуальным. Это выяснилось на длительных мирных переговорах, которые начались в мае 1579 г. при посредничестве императора. Главной темой переговоров был религиозный вопрос. Генеральные штаты защищали свободу вероисповедания, Филипп II, наоборот, хотел разрешить только католическую религию. Испанская сторона попыталась заставить Оранского отойти от дел, предложив ему за это крупную денежную сумму, а его воспитанный в Испании сын унаследовал тогда бы все его владения и титулы. Это доказывает, насколько Испания опасалась принца как вождя и вдохновителя сопротивления. Оранский не согласился на это предложение. Мирные переговоры не имели успеха, но для католических и роялистских сторонников Генералитета пришел момент примкнуть к наместнику Александру Фарнезе, принцу Пармскому.

Защитники религиозного мира знали, что борьба не закончена и руководство принца необходимо. Король Филипп тоже считал Оранского» своим основным противником. По этой причине кардинал Гранвелла, давний враг Оранского, выдвинул план покушения на жизнь принца, чтобы таким образом убрать его с дороги.

Для принца пришло время трудных решений: он должен был во что бы то ни стало подавить атаки кальвинистских экстремистов и возможность каких угодно ограничений. Характерным для взглядов принца явилась «Ремонстрация», представленная им перед Генеральными штатами 24 ноября. В

ней содержались следующие положения: необходимы единство и энергичные действия; каждый должен приложить все силы, внести свой финансовый вклад и отбросить собственнические настроения; абсолютно необходимо централизованное управление, и всем должен руководить один человек. Его речь не обошлась без патетики в конце: только если все в едином порыве будут способствовать этому, он, Оранский, готов с ними жить и умереть… Снова для принца стал неотложным вопрос об иностранной помощи. Провал мирных переговоров в Кельне ослабил силу пронемецкого течения; пфальцграф Иоганн Казимир опять покинул Нидерланды. Когда возникли слухи о браке Анжу с королевой Елизаветой, его назначение наместником давало возможность получить помощь из Англии.

С этой целью Оранский составил проект соглашения, которое способствовало принятию Генеральными штатами французского курса. Анжу-суверен Нидерландов! По предложению Оранского этот титул герцогу присвоили. Марникс Сент-Альдегонде заключил договор 19 сентября

1580 г. в Плесси-ле-Тур, а 23 января он был утвержден Генеральными штатами. Анжу стал сувереном с ограниченными полномочиями и наследственным титулом при запрещении присоединения провинций к Франции. Это назначение герцога в расчете на французскую помощь означало отставку Матвея, которую он и получил 7 марта 1581 г. Немецкие принцы почувствовали себя оскорбленными подобным обращением с братом императора. Оранский оборвал все связи с Германией.

Анжу — суверен! Провинции попытались воспрепятствовать этому назначению. Из Гента пришел протест, где говорилось, что французская тирания будет хуже испанской… Но Оранский привел убедительные доводы; он тоже видел опасность, но французский курс казался ему наилучшим. Повстанческие провинции отказались от власти испанского короля.

Отделение от Испании провинций и городов, входящих в Утрехтскую унию, торжественно утвержденное 26 июля 1581 г., являлось актом большого политического значения и по существу соответствовало замыслам, высказанным еще в 1566 г. В своей «Апологии», о которой мы уже упоминали и к которой еще вернемся, Оранский отстаивал мнение, что власть дана королю для блага подданных; король должен править страной по-отечески и справедливо. Там, где этого не произошло в соответствии с естественным правом, разрешается свергнуть недостойного монарха и вместо него избрать нового.

Так как в Кельне не удалось устроить так, чтобы принц по-хорошему покинул Нидерланды, возник уже упомянутый план

Гранвеллы убить Оранского, и ввиду того, что Гранвелла являлся всевластным королевским министром, это покушение было политически, теологически и дипломатически обосновано. Королевский эдикт от 15 марта 1580 г. об объявлении Оранского вне закона призывал каждого верного монаха и религиозного человека убить принца, «вождя, инициатора и зачинщика этих беспорядков и главного возмутителя всего нашего государства, короче говоря, чуму христианства, предателя и злого врага нас и нашей страны». Враг Испании и чума христианства! Декрет обещал вознаграждение в 25 000 крон, а также амнистию за прежние преступления и предоставление титула дворянина.

На это объявление вне закона принц ответил в своей «Апологии», одном из самых достойных и впечатляющих произведений в истории. Она была передана Генеральным штатам 13 декабря 1580 г. Это произведение принц написал не один, ему помогали его придворный проповедник, советники, французские кальвинисты Юбер Ланге и Дю Плесси Морней, а также Марникс Сент Альдегонде. Апология была направлена в Генеральные штаты (принц считал, что он обязан оправдаться только перед этими депутатами народа) и представляло собою опровержение всех обвинений, всех якобы совершенных преступлений. Теперь единственным виновником своих бед Оранский считал короля и — в свою очередь, выдвинул против него обвинения — и даже те, которые позже историческая наука признала несправедливыми. Он утверждал, что только любовь и сострадание к народу побудили стать его защитником, при этом Оранский никогда не хотел служить своим личным интересам. Принц защищал идею свободы во всех отношениях. Тон «Апологии» резкий, страстный, атакующий, и вполне понятно, что она в эти тревожные дни взволновала души и призыв к единству и единению не остался без отклика. «Я отстою», — так звучали заключительные слова «Апологии». Оранский хотел с Божьей помощью «отстоять то, что установит народ для свободы и мира».

В «Апологии», распространенной на фламандском, французском и немецком языках, принц делает выводы, анализируя многие события, начиная с 1572 г., а также дискуссии в Бреде (1575 г.) и договоренности в Кельне. В 1577 г. он заявил, что будет хранить верность королю только в том случае, если тот будет уважать привилегии, права и свободы стран… В его словах еще тогда прозвучала угроза. На переговорах в Кельне Генеральные штаты тоже угрожали Испании. Договор с Анжу реализовал этот ультиматум: народ выбрал себе нового монарха. Учение о государстве, созданное кальвинистскими теологами, однозначно утверждало: подданные должны служить государю не

как рабы, наоборот, государь должен служить народу; без подданных не может существовать ни один монарх. Так, король Филипп был отвергнут народом и освободил путь Анжу. Относительно Голландии и Зеландии в договоре закреплялось, что эти страны обязаны только принимать участие в защите сообщества. Они выбрали своим верховным правителем не Анжу, а Оранского и 24 июля 1581 г. принесли ему присягу. Штаты начали переговоры со всеми городами и округами Голландии и Зеландии, чтобы те сделали принца своим сувереном. Сан-то штаты предложили, но прошли годы, пока в 1584 г., уже после смерти принца, переговоры были доведены до конца. Во всяком случае, особое положение Голландии и Зеландии ослабило Генералитет, а ощущалось это еще при заключении Утрехтской унии. Наместником Утрехта и Фрисландии остался Оранский.

ФРАНЦУЗСКИЙ КУРС И СМЕРТЬ ОРАНСКОГО 1584 г.

Помощь, обещанная Анжу, не изменила тяжелого положения. Войска Пармы продвигались все дальше на север и все глубже проникали в страну. В июле 1581 г. город и крепость Бреда были сданы врагу в результате предательства. Вследствие этого Оранский лишился не только своих наследственных прав как барон Бреды, но и великолепного замка предков. То, что под угрозой оказались коммуникации между Голландией, Зеландией и южными городами, могло прекратить военные действия. Опасность грозила отовсюду. Враг стоял теперь недалеко от больших городов Антверпен, Брюссель, Гент, Ауденаарде. Оранский больше не знал покоя. Его можно было увидеть во всех опасных местах, где он вел с городскими властями переговоры об обороне. Однако чаще всего он находился в Антверпене, куда созвал Генеральные штаты, так как Анжу, нового суверена, все еще остававшегося в Англии, собирались утвердить в его высоком звании именно здесь. 10 февраля 1582 г. Оранский встретил герцога в Флиссингене, а 19 февраля тот был торжественно принят в Антверпене. Кальвинисты не доверяли французскому принцу и подозревали, что он вынашивает другие планы. 27 марта Анжуйский принес присягу перед Генеральными штатами, но на этот раз в отсутствие принца, поскольку 18 марта вследствие объявления вне закона на Оранского было совершено покушение в собственном доме, расположенном в бывшей цитадели. Испанец Хуан Жореги, находящийся на службе у купца д'Анастро, в упор выстрелил в принца из пистолета. Пуля пронзила небо, левую скулу и щеку. Ранение было тяжелым, сразу же поползли слухи, что принц убит.

Оранский, который несколько недель боролся со смертью, выздоровел и 2 мая заказал благодарственный молебен. Но вскоре его постигло новое горе — 5 мая умерла от воспаления легких любимая жена Шарлотта Бурбон. Из писем Вильгельма, записок его семьи и друзей мы знаем, как тяжело он пережил потерю жены, родившей ему шестерых детей. Но война не давала передышки. Наступило время организовать для Анжу, представителем которого он был, управление страной. Самой опасной и большой из всех проблем оставалась нехватка денег, беспокоили вызванное из-за нее недовольство солдат и невозможность защитить страну от Пармского. Тщетно Оранский

при любой возможности напоминал штатам, что они должны внести свою долю, но в провинциях из-за войны тоже не было доходов. Тогда как Анжу занимался только обустройством на французский манер дорогостоящего двора, принц взвалил на себя тяжелейшие заботы о стране, пока в марте 1583 г. не обнаружились истинные цели политики суверена.

Герцог всегда намеревался завладеть страной и стать абсолютным монархом Нидерландов. Оранского предостерегали от такой возможности, этого опасались также и немецкие принцы, но многие гугеноты поддерживали этот план. В январе 1583 г. Анжу под предлогом военного парада в Антверпене попытался захватить врасплох город, что ему не удалось; но в других городах например, в Диксмуде, Дендермонде, Дюнкерке его попытки увенчались успехом.

Нападение поставило под вопрос весь французский курс. Генеральные штаты и народ его отвергли. Принц же считал, что без Франции страна останется один на один с врагом. Поэтому он приложил все усилия для примирения между штатами и Анжу. Он думал, что это соответствовало бы желанию королевы Елизаветы, но своим поступком поставил на карту симпатии народа.

В 1583 г. во Фландрии и Брабанте популярность принца сильно упала. Для испанской и католической пропаганды не составляло труда заклеймить его как союзника и сообщника Анжу, так как он всеми силами продолжал бороться за укрепление коалиции с герцогом. По его мнению, положение было таким угрожающим, что альтернативы не существовало.

Принц достиг договоренности с Анжу, но при этом потерял доверие населения, теперь его называли «французиком». Вдобавок вскоре пришло сообщение, что он с разрешения французского короля может заключить новый брак, на этот раз с Луизой де Телиньи, дочерью вождя французских гугенотов, адмирала Колиньи, который вместе с ее первым мужем де Телиньи был убит в Варфоломеевскую ночь. Этот брак был заключен 12 апреля 1583 г. в Антверпене, всего три месяца спустя после государственного переворота, устроенного Анжу. Население и власти поэтому на торжестве не присутствовали. Не обошлось даже без злостной подстрекательской пропаганды. Родственники принца по линии Нассау тоже держались в стороне.

Хотя армии штатов удалось под французским руководством одержать небольшие локальные победы, положение оставалось неблагоприятным. Генеральные штаты разделились, не приняв решения о новой договоренности с Анжу. Город Дюнкерк для Испании был потерян, и Анжу, о котором говорили, что он ведет

переговоры с Пармой, покинул Нидерланды и направился на север Франции. В Антверпене, куда принц вступил как бургграф, а в 1578 г. как триумфатор, атмосфера была очень напряженной, доходило даже до того, что его с женой оскорбляли на улицах. Поэтому Оранский в июле 1583 г. покинул город и поселился в Миддельбурге. Но продолжал настаивать на своем мнении: Анжу — единственный выход!

Возможно, поведение герцога и неприятие населением принца послужили поводом для соглашения с архиепископом Кельнским. Из-за перехода Гебхарда фон Труксеса в аугсбургскую конфессию дело дошло до войны с Кельном. Иоганн Нассау считал, что теперь с помощью и поддержкой протестантских принцев образуется рейнская протестантская коалиция, а если и присоединятся Нидерланды, то можно будет рассчитывать на поддержку армии штатов. Гент тотчас же установил контакты с пфальцграфом Иоганном Казимиром. Оранский оставался противником немецкого курса, ему был чужд пфальцский и гентский фанатизм, к тому же он не верил во всеобщую протестантскую коалицию. Однако положение Нидерландов оставалось настолько щекотливым, что он все-таки предложил послать делегатов к архиепископу с поручением немедленно привести в Брабант немецких солдат. Кроме того, принц настоял на сотрудничестве с Анжу, чьи войска снова начали действовать.

В эту трудную минуту личный авторитет Оранского снова возрос, и Генеральные штаты предложили ему стать наместником всех Соединенных провинций. Он не сразу принял это предложение, а потребовал пленарного заседания Генеральных штатов и поставил свои условия, попеняв при этом на поведение различных провинций, на разлад и стремление к обособленности, а также на то, что в каждой неудаче обвиняли его. Принц потребовал непременного хранения денег в центральной военной кассе, чтобы помешать возрастающему финансовому ограничению. Еще он произнес энергичную защитительную речь в пользу политики союза с Анжу, впрочем, правильную, что касалось Германии, и обусловленную религиозными отношениями. Но все решения остались безрезультатными. В переписке Оранского с друзьями мы улавливаем эхо больших разочарований. Никакого единодушия вообще и в частности по поводу продолжения политики верховной власти высказано не было.

Переговоры шли с января 1584 г., и еще ничего не решено! Между тем принц с семьей поселился в бывшем монастыре святой Агаты в Дельфте, где ему вскоре было суждено встретить смерть. Для Оранского как суверена Голландии и Зеландии пришло

время принимать важные решения, касающиеся сферы его власти. Существовала необходимость и в определении полномочия принца и Анжу. В Голландии и Зеландии совершенно определенно хотели дистанцироваться от герцога и предотвратить его любые попытки превышения власти. Но прежде чем до этого дошло, прошли месяцы, ведь в каждом городе это решалось голосованием: сначала всего города, а потом сословий по отдельности. Такое положение дел показало, насколько медлительными были средневековые представительные корпорации в голландских городах и штатах. В конце декабря 1583 г. дела продвинулись только до того, что для Голландии подготовили акт о передаче верховной власти Оранскому. Он был очень похож на брабантский «Радостный въезд», только с той разницей, что кальвинистская религия заменила католическую. Эти непрерывные переговоры во всех городах и представительных корпорациях задерживали вынесение окончательных решений, так что в итоге в 1584 г. дело еще было не завершено. Эта обусловленная демократией медлительность в принятии решений стала роковой для исхода антииспанской революции на юге. Во время этих переговоров Оранский поддерживал связь с Анжу, однако французское войско покинуло Нидерланды, и противник, герцог Пармский, завладел большинством городов во Фландрии и Брабанте. Гент, Брюссель, Антверпен находились еще в руках унии, но на гельдернской границе положение оставалось опасным.

Зять Оранского, граф Вильгельм ван дер Берг, назначенный после ухода Иоганна Нассау наместником Гельдерна, в конце 1583 г. тайно вступил в переговоры с Пармой, и теперь это предательство было раскрыто. Наместника арестовали, и это повредило авторитету Оранского.

Помощь из Кельна не пришла, так как архиепископ был вынужден бежать. Денег не было, оставался только Анжу… но Генеральные штаты еще ничего не решили. Итак, в начале 1584 г. ничего не определилось, хотя во фламандских городах волнения достигли своего апогея. Ипр заняли испанцы, в мае последовали Брюгге и Дамме. Почти всю Фландрию захватил враг, Гент находился в тяжелом положении; Антверпен осажден, Брюссель бедствовал. Только Голландия, Зеландия и Утрехт были свободны от испанских войск. Поэтому Оранский продолжал защищать соглашение с Анжу. Для него это являлось дипломатией отчаяния, которая, возможно, «с Божьей помощью принесет успех». Принц написал (март 1584 г.) брату Иоганну, защищая себя: «А на кого я могу еще положиться?..»

Новые парламентеры отправились в Шато-Тьерри, где

находился Анжу, также отбыли делегаты и к французскому королю. Результатом этих многочисленных обсуждений стал проект договора, заключенный 25 апреля 1584 г., показавший, сколь мало, собственно, осталось от Генералитета из-за возникшей опасности, что все провинции, кроме Голландии и Зеландии, будут аннексированы Францией, если Анжу умрет без наследника. Можно легко себе представить, что тогда осталось бы от суверенитета Голландии и Зеландии. Благодаря герцогу цель французской дипломатии через Нидерланды приблизиться к границе империи была достигнута…

Но 10 июня Анжу неожиданно умер. В завещании он передал все права брату, французскому королю Генриху III. В Дельфте о его кончи- не узнали только 23 июня, еще до того, как были утверждены окончательные договоры. Это спасло остатки Генералитета от аннексии. Тем не менее Оранский хотел вести в том же духе переговоры и с Генрихом III. Его нидерландская политика, религиозные примирения больше не имели никакого смысла. Политика принца определялась требованиями и ограничениями кальвинистов, и это оставляло открытым только обманчивый путь к Франции. Положение было безвыходным. Оранский осознавал, что и так уже ослабленное единство теперь полностью разрушено. Провинции Голландия и Зеландия, возможно, и Утрехт, которыми он вскоре собирался управлять как суверен, остались последними бастионами: здесь решили сражаться до последнего. В своем послании прежде чем его настигла роковая пуля, принц пишет, что все в руках Всевышнего… Пусть не надеются на жалкое дезертирство!..

Балтазар Жерар, родившийся в свободном графстве, уже давно вынашивал план убить принца. После бесед с испанским наместником и старым знакомым и бывшим соратником Оранского Ассонлевилем он отправился в Дельфт. Там ему удалось выдать себя за жертву испанского террора и завоевать доверие. С Ноэлем де Кароном, сеньором Шооневаля, он даже принял участие в последней делегации Оранского к Анжу и 12 июня вернулся в Дельфт. До 10 июля он находился в близком окружении принца, готовя покушение. Купил на деньги, которые ему дал Оранский, пистолеты и спокойно выжидал. Когда 10 июля принц после обеда и беседы с английским полковником Роджером Уильямом направлялся в свой кабинет, то был застрелен Балтазаром Жераром, поджидавшим его на лестнице. Тяжело раненный тремя пулями принц упал на руки своего дворецкого и через несколько минут скончался.

Последние слова Оранского, произнесенные по-французски: «Господи, спаси мою душу! Господи, спаси бедный народ!» —

естественны для человека, вся жизнь которого была борьбой за освобождение народа!

ЖЕНЫ ОРАНСКОГО

В конце жизнеописания великого Оранского нужно прежде всего проверить, действительно ли все в его жизни определялось политикой, даже браки. Это соответствует действительности только частично. Восемнадцатилетний габсбургский придворный Вильгельм Нассау, принц Оранский, который в 1551 г. женился на Анне фон Бюрен, еще не имел никакой политической программы, а при Карле V вообще не было речи о политической или религиозной оппозиции. Отец Анны Максимилиан, сеньор Эгмонта и Леердама, граф фон Бюрен, верный друг Карла V, в 1548 г. огласил свою последнюю волю, согласно которой его единственная дочь должна была выйти замуж за принца. Так Оранский стал супругом одной из самых богатых и красивых наследниц в нидерландских провинциях, и это произошло с разрешения короля. С юной, добросердечной и любящей Анной молодой принц провел самые счастливые и беззаботные дни своей жизни. Из немногих сохранившихся писем супругов этого времени мы узнаем, что молодых людей связывали настоящие узы любви. Крепче стали отношения и с Дилленбургским двором. Желанный и многократно обещанный визит Анны в Дилленбург, к сожалению, не состоялся: в марте 1558 г, молодая женщина заболела и умерла. Двое детей от этого брака, принцесса Мария (1553) и Филипп Вильгельм (1554), который позже попал в испанский плен, воспитывались под присмотром Марии Венгерской.

В связи с последующими политическими событиями второй брак принца стал очень важным. Сначала принц посватался к Ренате Лотаринг-ской, правнучке Карла V и внучке эрцгерцогини Элеоноры Габсбургской, некогда королевы Дании. Мать Ренаты, Кристина Лотарингская, отклонила это предложение. Следующее сватовство было к вдове герцога Энгиенского, но в этот раз не согласился французский король Генрих II. В третий раз очередь дошла до Анны Саксонской, дочери покойного противника Карла V Морица Саксонского. Девушка воспитывалась своим дядей, курфюрстом Саксонским, в строго лютеранском духе. Её дед по матери, ландграф Филипп Гессенский, следил за этим воспитанием.

Сватовство носило политический характер и было неприемлемым для короля Филиппа. До сих пор удавалось оберегать принца от магнетического силового поля германской (лютеранской) политики. Как мог наместник Голландии и Зеландии преследовать в своих владениях еретиков, если у него

самого жена была лютеранкой, да к тому же еще дочерью принца-еретика, которого император поставил на колени в Пассау.

Семья Анны Саксонской тоже не испытывала восторга по этому поводу. В ее глазах принц был папистом, слугой римской церкви и императора.

Оранский объяснил королю Филиппу, что поклялся в верности католической церкви — истинной католической религии — и останется верен этой клятве. Впрочем, родственная связь Оранского с саксонским двором могла бы принести пользу и королю.

Кардинал Гранвелла имел другое мнение. Он считал такой брак очень опасным, ведь принц благодаря ему угодит в осиное гнездо германских протестантов. Гранвелла совершенно открыто обсуждал с Вильгельмом эту возможность. Опасность представляло также лютеранское происхождение принца. Как бы то ни было, следовало дать абсолютные гарантии, что принцессу обратят в католическую веру. Обсуждения и переговоры длились до бесконечности; принц стал проявлять нетерпение и, наконец, заявил, что хотел бы сам распорядиться своим браком. Он ссылался на германское происхождение, но обещал, что жена будет придерживаться католических законов, даже если не примет идею католической церкви. Однако обещание Гранвелле и Маргарите Пармской не учли при сватовстве. Представители Оранского — брат Людвиг, Гюнтер фон Шверцбург и рыцарь Георг фон Холл сообщили семье Анны, что у Оранского пролютеранские убеждения и его жена сможет жить как лютеранка при условии сохранения тайны.

Если курфюрст Август в конце концов согласился на этот брак по личным и политическим причинам, то гораздо труднее было убедить деда Анны, ландграфа Филиппа Гессенского; он оставался противником брачных планов с «черным предателем» и «папским прихвостнем». Переговоры длились с 1559-го по 1561 г. С декабря 1560 г. по январь 1561 г. Оранский регулярно посещал будущих родственников. Он присутствовал также на протестантском богослужении. А 2 июня 1561 г. в Торгау был подписан брачный договор. Оранский дал устное согласие на то, что его жена останется в своей вере «беспрепятственно и без ограничений», и по возможности будет воспитывать детей «в истинной религии Аугсбургской конфессии». Правительнице Маргарите пообещал противоположное, однако письменно ничего не подтвердил.

Этот брак преследовал политические цели. Родство с курфюрстом Оранскому было важно для преумножения престижа… Возможно, он уже тогда думал о германской помощи,

если понадобится, против планируемых гонений на протестантов, о чем ему сообщил в Венсенском лесу французский король. Отношения с Саксонским и Гессенским домами являлись важными для финансовой помощи, для вербовки ландскнехтов и т. д. То, что он однажды станет вождем кальвинистского восстания, Оранский, разумеется, еще не знал.

Свадьба состоялась 25 августа в Дрездене по протестантскому обряду, а в октябре принц с женой вернулся в Нидерланды. Анна Саксонская «жила по-католически», дети были крещены как католики, но семейную жизнь определял лютеранский дух, и Оранский все больше сближался с германскими родственниками.

При брюссельском дворе понимали, что католический образ жизни принца и его жены всего лишь видимость и они часто не обращали внимания на церковные заповеди. Как бы то ни было, аристократический брак принца поднял его политический престиж.

Между тем принца и Анну нельзя назвать счастливой парой. Анна, как ее описывали, была «неуклюжа телом», обладала бешеным темпераментом и столь же бешеным характером. Дилленбургскую семью, часто посещавшую супругов, беспокоило поведение молодой своенравной женщины, хотя та прекрасно знала о трудных семейных отношениях в Бреде. В переписке Гранвеллы можно встретить намеки, указывающие на то, что супруга Оранского все истеричнее, и гессенские родственники даже послали человека для присмотра за ней. На это же принц жаловался и ландграфу.

После 1568 г. о совместной жизни не могло быть и речи. Частое отсутствие принца подтолкнуло взбалмошную женщину к неверности. Мы не хотим подробно рассказывать о трагедии Вильгельма, о «греховных отношениях» его жены с антверпенским адвокатом и судебным заседателем Яном Рубенсом. До того как Анна покинула Дилленбургский замок, 14 ноября 1567 г., у нее родился сын Мориц, будущий правитель Нидерландской республики. После отъезда из замка она временно жила в Кельне; вскоре у нее кончились деньги, и Анна переехала в Зигенский фамильный замок, где ее любовник был арестован и она 22 августа 1571 г. родила внебрачную дочь Кристину фон Диез.

После нарушения Анной Саксонской супружеской верности принц Вильгельм мог считать этот трагический брак расторгнутым… С 1572 г. он почти все время жил в Голландии, вдали от детей и тосковал по семейному очагу. Во время пребывания в Гейдельберге Оранский познакомился с живущей там кальвинисткой Шарлоттой де Бурбон, дочерью католического герцога Луи де Монпансье. Ребенком она была отослана в

аббатство Жуэр, в тринадцать лет ее избрали аббатисой, а в феврале 1572 г. она оттуда бежала и нашла приют при дворе курфюрста Фридриха III в Гейдельберге.

Брачное предложение понравилось не только принцессе, но также и курфюрсту, и было благосклонно воспринято дилленбургской семьей, хотя все и побаивались скандала со стороны Гессенских и Саксонских домов. По этой причине брат Вильгельма Иоганн высказался, что это дело «нужно улаживать по-доброму и тихо, а не опрометчиво и торопливо». Он не хотел задеть за живое гессенских родственников Анны, которые потом на рейхстаге в Регенсбурге в резких словах протестовали по этому поводу, утверждая, что Шарлотта де Бурбон гораздо хуже Анны!

Венчание состоялось 12 июня 1575 г. в Брильском соборе, после того как принц взял у брата все свидетельства о поведении Анны, а также заключение пяти кальвинистских теологов. Этот брак был важен для отношений Оранского с французскими гугенотами, на помощи которых он строил свою дипломатию. Для Вильгельма и Шарлотты брак оказался очень счастливым. В тяжелые годы Шарлотта оставалась верной спутницей и заботливой матерью для шести дочерей, которых она ему подарила, а также для приемных детей от прежних браков. После покушения Жореги на принца 18 марта 1582 г. в Антверпене переживания и боль настолько отразились на здоровье верной супруги, что в этом же году она умерла.

Хотя Оранский уже узнал, что Генеральные штаты не хотят иметь дело с Францией и противостоят ее политике, и после французского нападения это мнение разделяло население, он заключил четвертый брак, снова выбрав знатную французскую даму, Луизу де Телиньи, дочь адмирала Гаспара де Колиньи и вдову месеира де Телиньи.

Этот гугенотский брак, который придал новые силы кальвинистско-французским отношениям принца, был заключен в весьма критический момент. Оранского оскорбляли в Антверпене, и поэтому он решил покинуть город. Всего лишь немногим более года прожила с принцем красивая, добросердечная и благочестивая супруга… После смерти Вильгельма молодая женщина горячо воскликнула: «Господи, дай мне терпения, чтобы я по твоей воле перенесла смерть моего отца и двух мужей, которых убили на моих глазах…» Финансовое положение семьи было неутешительным, и Луиза де Телиньи срочно нуждалась в помощи дилленбургских родственников, ведь на ней лежала забота о единственном сыне (будущий наместник Фредерик Хендрик), десяти приемных детях, а в доме умершего не было и 100 гульденов!

Луиза де Телиньи, несмотря на эти трудности, сплотила семью и создала для детей от четырех браков настоящий родительский дом. Иногда она посещала родовой замок Дилленбург. Присутствовала вдова Оранского на свадьбе Луизы Юлианы с пфальцграфом Фридрихом IV в июле 1593 г. Луиза де Телиньи умерла 9 октября 1620 г. в Фонтенбло.

ЦЕЛЬ И СМЫСЛ ПОЛИТИКИ ОРАНСКОГО

Историку предстоит теперь увлекательная задача изучить причины, которые побудили принца стать вождем оппозиции, а позже — восстания.

Мы должны различить все политические, лично-политические и религиозные мотивы в жизни: принца, ведь в личных тоже участвует политика. В личном и политическом плане недовольство Оранского заключалось в том, что он не принимал непосредственного участия в управлении страной, хотя это ему полагалось по сану и как. члену Государственного совета, рыцарю ордена. Золотого Руна, наместнику Голландии и Зеландии, члену дворянской фракции в Генеральных штатах и т. д. Уже до 1559 г., когда Филипп еще был в стране, двадцатилетний Оранский критиковал форму управления, финансовое положение и даже назначение Маргариты Пармской правительницей и требовал вывода находящихся в Нидерландах испанских войск. Он возражал тогда также против засилия иностранцев, считая, что страной должны управлять местные чиновники. В области политики принц Вильгельм выразил протест против абсолютистско-централизованного монархического режима, настаивая на децентрализованном, автономном управлении с участием Генеральных штатов и местного дворянства. На этом основывалось его неприятие Гранвеллы как иностранца и орудия абсолютизма. Когда Оранский пишет ландграфу Гессенскому: «Все довольны, что добрый кардинал уехал», — здесь говорит отнюдь не личная ненависть.

После того как кардинал ушел в отставку и высшее дворянство было допущено к управлению, на передний план выдвинулись религиозные вопросы. То, что принц, как он утверждает в своей «Апологии», еще после разговора с королем в Венсенском лесу выступил против Инквизиции, не совсем правильно. Во всяком случае, открытую борьбу против Инквизиции в Государственном совете он начал с 1563 г. Сам остался в католическом лагере и старался в дальнейшем держать своих друзей подальше от радикальных групп. Оранский поддерживал определенную терпимость, утверждая, что монарх не может определить религии своих подданных. Поэтому он был не согласен с аугсбургским решением.

От сословной дворянской оппозиции принц вскоре перешел к широкой общенациональной (подключение Генеральных штатов), и только тогда на передний план вышла религиозная точка

зрения, так как сыграли роль справедливость и человечность. Его оппозиция являлась лояльной, т. е. «конституционной». Там, где царили недовольство и волнение, требовалось с помощью реформ создать порядок и спокойствие. Оппозиция Оранского была также и национальной, он хотел избавить страну и население от нищеты. Там, где монарх оставался непреклонным, нужно было показать ему, как возрастает волнение со всеми вытекающими последствиями.

Невзирая на это, король остался непреклонным. А Генеральные штаты, являясь гласом народа, безмолвствовали. Тогда позиция Оранского видоизменилась. В конце 1565 г. принцу пришла мысль о вооруженном выступлении, но реализовалась она намного позже. Какое-то время он колебался между мирным исходом и вооруженным мятежом, и когда речь зашла о вербовке войск, Оранский попытался посредничать между правительством и кальвинистами. Его религиозная терпимость находилась в противоречии с фанатизмом кальвинистов, которых он сначала осудил как нарушителей спокойствия и приверженцев «некоторых новых и опасных суждений о религии». Лютеране вызвали у принца большую симпатию, по его мнению, это «добропорядочные и мирные люди, отнюдь не склонные к бунту или неповиновению». Он все еще готов был уступить, но при условии, что король готов к этим уступкам, так как «народ ожесточен против испанской Инквизиции и старой религии». Там, где не приходилось ожидать смягчения политики монарха, мысль об угрозе насилием приобрела следующую форму: вероятно, только угроза может заставить начать политику реформ…

Битвы между правительственными войсками и кальвинистским отрядами шли полным ходом. Оранскому стало ясно, что посредничество больше невозможно, оппозиция парализована из-за отсутствия единства. Сильную оппозицию теперь могли поддерживать только кальвинисты. Но внутренне он еще не был к этому готов. В тот момент ему оставалось только отступление. Ничего не указывает на то, что позже Оранский будет вынашивать революционные планы: он мог бы спокойно продолжать жить в Дилленбурге.

Появился, однако, герцог Альба, и применяемые с сентября 1567 г. террористические меры потрясли принца до глубины души. Он должен был оградить население от ужасов «пыток, казней и страданий», что звучало во многих манифестах, опубликованных им для обоснования своих выступлений.

Теперь мы подошли ко второй части жизни принца. Этот период начался с ряда манифестов, которые были направлены

против «жестокой тирании герцога Альбы», когда принц защищался от лжи и обвинений. Вскоре последовал призыв, обращенный к населению Нидерландов. В нем Оранский объяснил, по каким причинам он теперь берется за оружие. В октябре 1568 г. опубликовалось обращение ко всем людям, «которые боятся и любят Бога, заботятся о Нидерландах и Германии, так как этим странам угрожает герцог Альба». После неудачи первого похода в октябре 1568 г. он направляет манифест населению, жалобу угнетенных Нидерландов на трусливый и неверный народ, не оказавший ему помощи для собственного освобождения… Мы читаем: «Нам по сравнению со всеми живущими в Нидерландах никогда не оказывалось никакого предпочтения, а принимали нас и относились к нам почти как к чужим и не имеющим никаких прав…» Подчеркнем, «не имеющих никаких прав, почти чужих». Принц еще не обратился к кальвинистам, но уже понял: поддержка придет только с этой стороны. Разочарование сделало радикальными его взгляды.

Отныне на передний план вышли религиозные требования. До 1570 г. одной из основных мыслей принца было требование религиозной терпимости. Но под влиянием кальвинистских помощников ему стало трудно дальше защищать терпимость и равноправие религий. В будущем с присутствием кальвинистов не только смирятся, но они станут хозяевами положения, католиков заставят ограничить богослужение или, как в Голландии и Зеландии, запретят. Оранский сохранил нейтралитет и часто выступал ходатаем притесняемых католиков. И в 1570 г. в религиозном поведении принца осталось много двусмысленного или противоречивого. Он больше не являлся католиком, но еще не был лютеранином. Оранский осознал, что в этой борьбе за свободу (также и религии!) помощь могла прийти только от кальвинистов, в 1566 г. и 1567 г. названных им «ненадежными и опасными», от тех самых кальвинистов, которые теперь не доверяли ему из-за его поведения в те годы.

Остается открытым вопрос: изменились ли религиозные убеждения принца из-за его официального перехода в кальвинизм (Дельфт или Дордрехт, 1573 г.). В это верится с трудом. И раньше можно было заменить у Оранского благоговение перед Богом и смирение перед божественным промыслом. После 1573 г. он уже чаще подчеркивал необходимость проповеди «слова Божьего» и резче высказывался против папистов-католиков, а также принимал участие в кальвинистских богослужениях.

То, что ему был чужд фанатизм протестантов (фанатизм — признак имеющего власть меньшинства), соответствовало его

гуманистическому настрою, кругу друзей, лютеранским связям (его мать и некоторые члены семьи еще были лютеранами), а также, как ранее упоминалось, политической необходимости. Даже в отношении лютеран его терпимость носила политический характер. Еще в 1574 г. Оранский питал надежду, что германские принцы окажут помощь.

Терпимость являлась непременным условием политики принца, но она также соответствовала его убеждениям и характеру. Известно, как он до 1566 г. пытался дистанцироваться от любых церковных обязательств. Дружба с католиками (например, с графом Хоогштратеном), с многими лютеранами (с его родственниками в Саксонии и Нассау, с лютеранским проповедником в Антверпене), а также с кальвинистами (братом Людвигом Нассау, помощниками Бредероде, Марниксом Сент-Альдегонде и др.), дала ему религиозную широту взглядов, которая еще больше увеличилась благодаря отношениям с гуманистически настроенными протестантами. Французская политика получила одобрение принца.

Даже после 1573 г. не колеблясь признавая себя кальвинистом, он продолжал критиковать кальвинистский фанатизм, пытался помешать его эксцессам, например в Генте, в 1578 г. принц бросил упрек чересчур фанатичным теологам и проповедникам Датхену и Бойтериху из Пфальца. Его терпимость помогла сделать возможным оказание политической помощи с католической стороны после Гентской договоренности. К тому же принц завоевал дружбу и сотрудничество многих прелатов, а нетерпимый фанатизм в конце концов послужил причиной ослабления Генералитета. Неудача его религиозной политики (свобода вероисповедания) из-за фанатичного неприятия гентских и голландских кальвинистов имела решающее значение для исхода революции. В этом отношении характерным для мировоззрения принца является его высказывание, что «признавать Бога — это дар Святого Духа». По его мнению, Генеральные штаты должны были решать, каким образом будут сосуществовать «многочисленные религии».

Тот, кто хочет придать политическим целям Молчаливого национальный характер и назвать восстание национальным, не должен забывать, что понятие «национальный» не следует брать в современном государственно-политическом значении. Они считались национальными в том смысле, что ограниченная географическая единица хотела дистанцироваться от Испании и испанского образа жизни, создать управление в соответствии с собственными традициями, привилегиями и местными властями под руководством испанского короля, сына «местного, здешнего»

императора Карла V.

Провинции в течение бургундского периода правления постепенно слились друг с другом и подчинялись одному централизованному управлению. Карл V объединил их также и в политическом смысле еще, сильнее централизовал вокруг себя администрацию; благодаря его успехам единство укреплялось также феодальным дворянством и Генеральными штатами. Основное внимание уделялось югу Нидерландов — Фландрии и Брабанту. В культурном отношении единство «германских» или фламандских, т. е. говорящих на голландском языке, провинций, было создано и укреплено еще со времен Средневековья, но ограниченность не исчезла. Она выражалась в определенных региональных, административных и юридических особенностях и в исторически обоснованных претензиях. Кроме того, развился и национализм, поскольку древнейший основной закон Брабанта «Blijde Intrede» имел силу для всех провинций. Свое сопротивление, революцию против короля принц частично основывал, опираясь на положения этого закона.

По своим земельным владениям и титулу Оранский в первую очередь являлся брабантским сеньором: барон Бреда, бургграф Антверпена. Как губернатора его связывали отношения с Голландией и Зеландией. Но прежде всего он был защитником Генералитета. Принц боролся за единство всех провинций, Генералитет. В его многочисленных заявлениях, манифестах и письмах говорится о единстве Нидердандов, об «общем отечестве»; указывается на разницу между Фландрией и Испанией. В попытках после тяжелых военных лет осуществить объединение Гентской договоренностью ясно видна цель Молчаливого — единство!

Оранскому часто приходилось устраивать опасное соперничество между различными провинциями, и он всегда помнил о том (даже когда ему одному были подчинены Голландия и Зеландия), что конечной целью должен оставаться Генералитет.

Это отчетливо проявилось в поручении, которое дал Оранский в 1572 г. своему представителю при голландских штатах Марниксу Сент-Альдегонде. Принц считал, что целью революции остается единство, а не освобождение Голландии и Зеландии; это видно по многим манифестам, распространявшимся под его именем, а также по попыткам помешать соперничеству кальвинистских изгнанников.

В своем письме к вождю гентских патриотов Хембизе он подчеркивает, что разлад опасен для сообщества и каждой провинции. Принц пишет, что «прочный союз и всеобщее

согласие» принесет королю только пользу. Мы знаем, как он противился Утрехтской унии, пытался помешать отделению Валлонских провинций и возмущался поведением гентских фанатиков, потому что это отделение было вызвано их нетерпимостью и тоталитарной политикой. Его переписка с гентскими вождями недовольных — это страстная речь в защиту свободы.

Менее четко Оранский обрисовывал государственную форму, которую он представлял для сообщества провинций. С Испанией существовала персональная уния, так как испанский король одновременно являлся и сувереном Нидерландов. До 1581 г. Оранский считал, что борьба идет не против Испании, не против короля. Только 26 июля 1581 г. во всеуслышание и торжественно расторгли узы с Испанией! Как принц представлял себе политическое и государственное единство, можно только догадываться. Для него была естественной солидарность Нидерландов с империей — «тесная связь со Священной Римской империей германской нации». И эта связь как активный политический элемент представляла важность до 1574 г. Оранский надеялся на посредничество императора перед королем Филиппом, на участие рейхстага и возможную помощь германских принцев. Исходя из этих соображений он дал поручение Марниксу Сент-Альдегонде (1578 г.), который должен был на рейхстаге в Вормсе попросить помощи имперских принцев на основании принадлежности страны к империи. Мирные переговоры в Кельне (1579 г.) тоже велись в этом направлении.

Примечательно, что Оранский в поисках помощи и союзников согласился с планами своего брата Людвига (в 1572 г. и 1573–1574 гг.), которые не только разрывали непрочную связь с империей, но и угрожали Генералитету. Однако после неудачи этих планов в мае 1574 г. (смерть Людвига!) Вильгельм предложил брату Иоганну отдать под защиту империи Нидерландские провинции или заключить союз с ганзейскими городами. При последующих переговорах с Анжу и в дальнейшем процессе развития профранцузской политики Генералитет часто подвергался опасности, и принц, наконец, даже согласился на возможную аннексию.

С учетом критического суждения, высказанного еще современниками и друзьями Оранского, можно обозначить непосредственную цель политики принца. Эта цель всегда оставалась одной и той же: помощь мятежникам! В 1566–1567 гг. она мыслилась иначе, чем в 1572–1574 гг., поскольку в этот период восстание вошло в новую фазу. Революция сделала новый ход в 1578 г. Теперь шла открытая война. Отныне требовалась

другая помощь: одних только денег для набора войск больше было недостаточно. И наконец, когда революции грозил крах, призыв о помощи стал призывом отчаяния! Сначала Оранский зависел от Германии: там еще в 1566 г. были завербованы войска, позже (тоже на германские деньги) велась подготовка к боевым действиям. Целью дипломатии принца являлось убедить императора, что испанско-габсбургская политика представляет опасность для империи, а с другой стороны, показать германским протестантским принцам, что если восстание в Нидерландах будет подавлено, это будет означать конец германского протестантства. Он сообщил им, что Франция, возможно, готова помочь мятежникам.

Дипломатическую помощь со стороны империи ему оказали, военную же, в которой он очень нуждался, не предоставили, хотя в сентябре 1572 г. совещательное собрание делегатов Пфальца, Бадена, Бранденбурга-Ансбаха пообещало ему это. Однако Саксония и Гессен по религиозным причинам не были склонны помогать кальвинисту Оранскому, к тому же собиравшемуся жениться на французской принцессе-кальвинистке.

После 1574 г. Оранский решительно обратил свои взоры к Франции и Англии. Еще раньше принц пытался получить у королевы Елизаветы согласие на восстание, но в 1572–1574 гг. королева считала, что дружба с Испанией для нее выгоднее, чем дружба с мятежниками, тем более, что она не рассчитывала на успех принца. Его предложение взять власть над Нидерландами она отклонила. И после 1575 г. Елизавета сохранила выжидательную политику, а вскоре последовала решительная ориентация на Францию.

Возможность французской помощи (Анжу в 1578 г. был признан протектором) вызвала у Елизаветы подозрение, и она послала в Нидерланды пфальцграфа Иоганна Казимира с германскими войсками.

Французская помощь в Геннегау, английская помощь в Генте!..

Вынужденное стремление к французской помощи, необходимой все больше и больше, становилось составной частью политики Оранского, тем более, что брачные планы Анжуйского и королевы Елизаветы в перспективе обещали также и английское содействие. Разумеется, это был большой успех его политического искусства, ведь он сумел использовать соперничество между Англией и Францией относительно влияния в Нидерландах.

Для Франции — как для французского короля, так и для гугенотов — помощь мятежникам являлась возможностью отомстить за политику и успехи Карла V, аннулировать их и

возобновить претензии на определенные области Нидерландов. Колиньи одобрял политику аннексии отдельных провинций, так как «большая их часть была украшением короны, несправедливо узурпированным у предшественников короля…». Еще в 1578 г. упоминалось, что Франция «имеет древние права на Фландрию». В планах Людвига Нассау эти претензии были учтены.

Оранский знал о этих аннексионистских стремлениях. В ответ на критику брата Иоганна он написал, что ему лучше, чем кому-либо, известны опасности французской политики, но «кому же мне доверять?..». Необходимость его вынудила к тому. И мы можем даже предположить, что французский курс — это «изъявление Божьей воли…», по мнению принца.

Фландрия и Брабант знали цену французской аннексионистской войне и поэтому были противниками ее. Яростнее всех протестовал брат Оранского Иоганн, который видел в этом опасность для империи и упрекал его за то, что тот сражается бок о бок с безбожным католическим королем. «Бог, — как считал Иоганн Нассау, — не попустит этого, не отомстив!» Одному знакомому Иоганн написал, что он «уважал бы своего брата больше, чем Моисея, если бы Его Милость не ввязался в эту французскую авантюру».

Но Оранский остался при своем мнении (еще в марте 1584 г.) и утверждал, что путь вместе с Францией является единственным и он готов за это даже пожертвовать дружбой народа.

Так и случилось: антипатия к Анжу вскоре коснулась и принца. Между тем смерть герцога помешала окончательному заключению последнего договора с ним (после нападения на Антверпен в январе 1583 г.). Имелся план нового окончательного договора (25 апреля 1584 г.), который надо было представить штатам. В договор внесли желание Анжу, что в случае его смерти без наследника «названные страны будут и навечно останутся присоединенными и аннексированными к французской короне».

Из этой фразы такой государственный деятель, как Оранский, должен был понять, что Франция одним росчерком пера достигла того, что на протяжении веков являлось целью ее политики! Столько провинций, бывших когда-то имперским леном, теперь соотносились с империей как округ! Французская сфера власти почти достигла Рейна!

То, что Иоганн Нассау хорошо видел эту опасность, а Вильгельм Оранский — нет, возможно, объясняется бургундско-габсбургским воспитанием принца. То, что Оранский после смерти Анжу сразу же решил продолжать переговоры с французским королем Генрихом III, доказывает сильную, но, правда, вынужденную профранцузскую направленность политики

принца.

Голландия, Зеландия и Утрехт не хотели французского господства, отсюда их желание избрать сувереном страны Оранского, а не Анжу! По этой причине был подорван Генералитет. И принц соглашался с решением, что впредь в Голландии и Зеландии будет разрешена только кальвинистская религия. Что касалось Генералитета и религиозной терпимости, то Оранский далеко ушел от исходного пункта своей политической карьеры. Произошло так, что ни один из тех, кто когда-то предложил этот французский курс — дю Плесси-Морней, Ланж и Марникс Сент-Альдегонде, — больше не объявляли себя его сторонником. Альдегонде еще до этого понял свою ошибку, дю Плесси-Морней окончательно отказался от союза с Анжу. Впрочем, аргумент в пользу герцога (возможный брак французского принца с Елизаветой Английской) отпал.

То, что Оранский, несмотря ни на что, придерживался этой линии, как писал его друг Пауль Бюис — «по необходимости и потворству», стало для него политическим злым роком. И в конце концов не французская помощь содействовала Генералитету после смерти Оранского!

«Во славу Господа и короля, содействовать и укреплять всеми нашими силами общую свободу, благополучие и привилегии Нидерландов». Эти слова Оранского, часто повторяющиеся в разных вариантах в его манифестах, заявлениях и призывах, содержат политическую программу принца. Слова «и короля» с 1576 г., вставленные из уважения к общественному мнению, правда, в 1581 г. официально исчезли.

С чрезвычайной настойчивостью принц продолжал борьбу, «чтобы в будущем эта страна управлялась, соответствуя своим законам и привилегиям. Эти законы — почитаемые и древние, основаны на божественном праве и «естественной справедливости». Король тоже должен уважать и охранять эти привилегии, и раз он их нарушает, то наносит ущерб свободе, поэтому узы верности и повиновения между монархом и подданными разрываются. Этим соображением Оранский обосновывал оправдание восстания.

Еще в 1567 г. у принца возник вопрос: «Должен ли я сопротивляться королю, а следовательно, своей собственной власти?» В конце 1566 г. депутаты кальвинистов вместе с представителями дворянства утвердительно ответили на вопрос о праве на восстание. Для Оранского же прошло добрых 10 лет, прежде чем он по внутреннему убеждению одобрил сопротивление королю.

Принц утверждал, что раньше он боролся исключительно

против плохих, недостойных представителей и слуг короля. Оранский долгое время был убежден, что король не знал о пренебрежительном отношении к провинциям в Нидерландах. Вплоть до 1577 г. он настаивал на этом тезисе, бывшем, по нашему мнению, фикцией, которой он пользовался для того, чтобы отвести от себя обвинение в восстании против суверена. Вильгельма оправдывал свою борьбу против наместника тем, что она является «необходимой защитой», правом «на самооборону». Весьма показателен в его письмах переход от права на самооборону к праву на восстание. Во всяком случае, для него бесспорно, что тирания не имеет права требовать повиновения подданных. Произведения гугенотов утвердили принца в этом мнении. Французские публицисты Юбер Ланже и дю Плесси-Морней, соавторы знаменитого пропагандистского памфлета «Требования к тиранам», вышедшего под псевдонимом «Стефан Юний Брут», были постоянными соратниками Оранского и жили в непосредственной близости от него.

Брабантский принц полагал, что для отношений «государь — подданные» величайшее значение имело указание на брабантскую привилегию в «Blijde Intrede» 1356 г., где, по его мнению, содержались основания его тезиса о праве на революцию. Оранский пространно защищал право на восстание в своей «Апологии». Учение борцов против королевского абсолютизма, — согласно которому вся власть передавалась в руки сословий и штатов, постепенно приобретало влияние в Нидерландах. Иоганн Нассау еще в 1578 г. считал, что король или губернатор должен избираться Генеральными штатами. Принц в 1577 г. заявил, что королю следует оказывать повиновение до тех пор, пока он уважает и защищает привилегии и свободу!

Отец отечества!

С этим почетным титулом принц вошел в историю не только временной Республики Объединенных провинций, но вообще и в историю нидерландского народного сообщества. Его сторонники стали свидетелями, как это сообщество в духе Генералитета после смерти принца распалось, и разделение, к сожалению, сохранилась, исключая небольшой перерыв (1815–1830 гг.).

Человек, который признал и отстаивал Генералитет и руководил нидерландским народом в его борьбе за свободу, защищал и воодушевлял его, заплатил за все непомерную плату. Неизвестный поэт (возможно, Марникс Сент-Альдегонде) посвятил принцу героическую песнь, родившуюся в 1572 г. в разгар жестоких сражений. О многом говорит то, что песнь «Вильгельм Нассау» с течением лет превратилась в национальный гимн Нидерландов.

Государство Нидерланды, республика или монархия, никогда больше не стало политическим сообществом, которое задумал и определил своей целью принц. Провинция Брабант, где он как первый дворянин хотел сыграть выдающуюся роль своих предков, позже отделилась от свободного нидерландского сообщества и часто даже порабощалась кальвинистскими победителями. По сути дела, в начале существования республики правящим сословиям, регентам, штатам и штатгальтерам, сыновьям и внукам принца было чуждо общее понятие толерантности, которую принц предполагал и хотел добиться. Религиозная свобода, подходящая кальвинистским победителям, означала несвободу для католического большинства жителей. Этот прискорбный факт показывает, насколько новым для того времени был «дух терпимости» Оранского.

Для политической организации Нидерландов суждения принца стали основой развития «демократических течений». Борьба за их становление потребовала многих жертв, но эти жертвы не являлись бессмысленными. Часть Нидерландов, вырвавшаяся из когтей Испании, быстро развилась в западную республику с привилегиями и свободами «современнейшего» характера и прежде всего со свободой совести, которая, возможно, была еще не абсолютной, но без принуждения и инквизиции. Народ, дворянство и горожане стали опорой нового свободного режима.

Не всегда легко понять мысли принца и проследить за ними. Уже указывалось на то, что он как аристократ придавал большое значение участию дворянской элиты в управлении страной. Оранский считал, местные «знатные сеньоры» должны привлекаться в правительство Государственным советом и орденом Золотого Руна; помогать королю и быть представителями, наместниками монаршей власти. Этот государственный метод управления Оранский поддерживал еще в начале, в 1559–1567 гг. Он открыто не одобрял действия герцога Альбы, ведь его политика преследовала цель отстранения древнего дворянства от управления страной. Принц полагал, что дворянство призвано и обязано взять на себя руководство освободительной борьбой под лозунгом «Долой чужеземную тиранию!». Несмотря на это, известно, что содействие дворянства было очень скромным. Можно считать, что более позднее резкое суждение Оранского о феодальном дворянстве родилось из этого разочарования. История отделения от «недовольных» тоже неблагоприятно повлияла на мнение о дворянстве, а события в Гронингене и Гельдерне его только усилили: дворяне слишком часто принимали сторону испанцев. Еще в 1559 г. Оранский

пытался бороться с этим и способствовал росту влияния генеральных штатов. Во время восстания он расширил их полномочия. В различных оправданиях и мемуарах (1568 г.), а также в «Апологии», подробно описаны полномочия Генеральных штатов: они являлись органом власти, который осуществлял управление от имени короля. Из нее мы узнаем, кому было предоставлено право решать вопросы денежных средств, религии и войны. В тревожные годы после 1578 г. принц в своих выступлениях перед Генеральными штатами неоднократно указывал на их всестороннюю ответственность. В Гентском договоре и в некоторых манифестах этого времени зафиксирована роль Генеральных штатов во многих решениях. 24 ноября 1578 г. и 18 июля 1579 г. в своей речи он дважды разъяснил задачи Генеральных штатов, в основном, чтобы изобличить имеющиеся ненужные уступки обособленности. На переговорах относительно передачи графской власти над Голландией и Зеландией (на Утрехт это не распространилось) тоже был сделан особый упор на право вмешательства Генеральных штатов.

Оранский нес тяжелейшее бремя в виде стремления отдельных территорий самостоятельно принимать решения общим голосованием о мерах местного значения. От этого пострадали бы интересы Генеральных штатов как вышестоящего органа. Часто случалось, что принц не знал, как ему быть, поэтому он предложил передать все полномочия в руки одного лица. Когда нужно было приводить в соответствие административные решения, Оранский не боялся взять руководство в свои руки. Он стремился к централизации, кроме всего прочего, финансов и обороны страны, однако часто ему приходилось уступать чрезмерным требованиям противников объединения.

Интересно, что валлонские области, где предпочтение дворянства городским представителям оспаривалось меньше и привлечение буржуазного сословия к администрации не осуществлялось, остались в стороне от фламаноязычных провинций.

На этом фоне следует сделать выводы о личности принца. Он был непоколебимым мятежником, ясно осознававшим великую цель, которую хотел достичь — освобождение Нидерландских провинций от испанского господства. Этот человек стал борцом за свободу, ее героем. Он знал, что свобода возможна только после восстановления единства и проповедовал терпимость и религиозный мир. Очень скоро Оранский понял, что средства, которыми он мог располагать, недостаточны. Он осознавал

границы человеческих возможностей и понимал, что в своих нападках на врагов, в самопожертвовании, разочарованиях и мятежности человек не может перешагнуть через них. Это знание вызвало у него чувство одиночества. Жертва непонимания и клеветы, на последнем отрезке он остался один. Но убежденность, что Господь избрал его своим орудием, дала Оранскому готовность и силу к самопожертвованию.

Сила его личности и целеустремленность даже после смерти влияли на процесс нидерландской освободительной борьбы. Дух Оранского победил после 1584 г. при установлении Нидерландской республики. Современникам и ранним биографам принца многие из его притязаний казались несправедливыми и непонятными. Известно, что они и для него тоже имели субъективную и относительную ценность, в них решающую роль играли тонкие, обусловленные временем частности. Как дипломат он должен был одобрять применяемые меры только потому, что они являлись полезными для его политики и были единственными, которые могли победить зло: сепаратизм отдельных частей страны, слепую, упорную нетерпимость и экстремизм, доходящий до абсурда.

Заслуживает признания политика принца в отношении протестантизма. Он оказывал неоценимую помощь протестантам Англии и Германии, чтобы защитить от антипротестантской инквизиции Филиппа И, и по необходимости заранее примирился с опасностью завоевательной политики в направлении Рейна.

Первоначально Оранский выступил как защитник суверенной и поэтому национальной политики, но вскоре подвергся опасности стать только защитником новой идеологии — кальвинизма. Взгляды принца являлись предтечей формы «демократического» управления, предполагающего участие народа. Он настолько избавился от реликтов феодальной власти в Нидерландах, что освободил путь для своей трактовки права на борьбу против тиранической государственной власти. На все времена принц заложил основу современной теории национальной борьбы.

Несмотря на все превратности судьбы, которые он должен был преодолевать, Оранский всегда оставался добрым христианином. Ожесточенность его столкновений и острота сопротивления никогда не служили предлогом для подлости или бесчеловечности. Вопреки фанатизму в идеологическом споре, он всегда осознавал свои человеческие слабости и пределы.

Сын германского аристократического рода, выросший в мире бургундско-габсбургских умонастроений, Вильгельм Нассау стал нидерландским принцем и в конечном итоге — Отцом Отечества!

Хронология

1533 г. Рождение в Дилленбурге.

1544 г. Наследство в Нидерландах.

1549 г. При Брюссельском дворе Марии Венгерской.

1551 г. Первый брак с Анной фон Бюрен.

1555 г. В Государственном совете. Рыцарь ордена Золотого Руна.

1558 г. Смерть первой жены.

1559 г. У короля Генриха II. Разговор в Венсенском лесу.

1559 г. Наместник Голландии, Зеландии, Утрехта и пр.

1561 г. Второй брак с Анной Саксонской.

1563-64 гг. Оппозиция в Государственном совете.

1566 г. Бургграф в Антверпене. Иконоборческое восстание (август).

1567 г. Возвращение в Дилленбург (апрель).

1568 г. Первый вызов на «Кровавый совет» (январь).

1568 г. Похищение его сына Филиппа-Вильгельма (февраль).

1568 г. Прием в Дилленбурге делегации антверпенских купцов (апрель).

1568 г. Первое вторжение Оранского в Брабант (октябрь).

1569 г. Оранский сражается во Франции.

1570 г. Новые военные планы, договоренности с королем Карлом IX и гугенотами.

1572 г. Взятие Бриля (1 апреля).

1572 г. Второе вторжение в Брабант и Геннегау (июль), отступление в сентябре и октябре.

1572 г. Снова наместник Голландии, Зеландии и Утрехта (июль)

1573 г. Переход в кальвинизм.

1574 г. Конец осады Лейдена (октябрь).

1575 г. Мирные переговоры в Бреде (март).

1575 г. Третий брак с Шарлоттой де Бурбон (июнь).

1576 г. «Гентское умиротворение».

1577 г. Вступление Оранского в Антверпен и Брюссель (сентябрь).

1577-78 гг. Переговоры с принцем Анжу, герцогом Алансонским.

1578 г. Генерал-лейтенант наместника, эрцгерцога Матвея Габсбургского (январь).

1578 г. Проект религиозного мира.

1579 г. Мирные переговоры в Кельне (август).

1580 г. Король Филипп II объявляет Оранского вне закона

(март).

1580 г. Договоренность с Анжу (Плесси-ле-Тур, август).

1580 г. «Апология» Оранского (декабрь).

1582 г. Вступление в Антверпен с Анжу (февраль).

1582 г. Покушение Жореги (март).

1582 г. Смерть Шарлотты де Бурбон.

1583 г. Четвертый брак с Луизой де Колиньи (апрель).

1583 г. Покидает Антверпен и отправляется в Миддельбург и Дельфт (июль).

1584 г. Смерть принца Оранского в результате покушения в Дельфте (10 июля).

1584 г. Похороны принца Оранского-Нассау (август).

notes

Примечания

1

В книге «История Европы. От средневековья к новому времени» названа другая дата отречения Карла V: 1556 г. (прим. ред.).

2

Настоятель, старший пастор у лютеран, (прим. ред.).

3

Священнослужитель высшей степени церковной иерархии (прим. ред.).

4

Общеимперское собрание знати (прим. ред.).

5

Одно из высших должностных лиц в Нидерландах (прим. ред.).

6

Каперство — захват (с ведома своего правительства) судами, принадлежавшими частным лицам, коммерческих неприятельских судов или судов нейтральных стран, занимавшихся перевозкой грузов в пользу воюющей стороны (прим. ред.).

7

Имеется в виду собрание штатов Голландии, на которое прибыли сторонники восстания и кальвинисты от крупных и даже малых городов (прим. ред.).